

ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИИТ

Э Л Е К Т Р О Н Н Ы Й   Н А У Ч Н Ы Й   Ж У Р Н А Л

ИЗДАЕТСЯ С 2013 ГОДА | № 4 (48) 2024

СРОКИ ДАВНОСТИ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ИСКАМ ПРОКУРОРОВ:

правовые позиции Конституционного
Суда Российской Федерации

ЦЕЛИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА И СУДЕБНОГО ШТРАФА

как иных мер уголовно-правового
характера

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

оплаты сверхурочной работы
в служебных командировках

ОБОСНОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗАПРЕТА

ремонта элементов
кузова и рамы автомобиля,
влияющих на пассивную безопасность

СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ

как правового явления

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

формирования международно-правового
режима дна Мирового океана

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПОРТУГАЛИИ

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

на трансформацию юридического
образования

Электронный научный журнал «Вестник Юридического института МИИТ» 2024. № 4 (48)

Дата размещения — 15 января 2025 г.

Журнал издается с 2013 г.

Научное направление издания: Право.

Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

Телефон: 8 (495) 681-90-19.

Факс: 8 (495) 684-28-49.

E-mail редакции: albinadg@mail.ru

Официальный сайт в сети Интернет: <http://vestnik-ui-miit.ru>.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российский университет транспорта**».

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журналу присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN) **2542-1573**.

Периодичность: четыре раза в год.

Редакционная коллегия

Главный редактор — **КОРЯКИН Виктор Михайлович**, доктор юридических наук (20.02.03), профессор (12.00.03) (e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru)

Ведущий редактор — **ГУСЕЙНОВА Альбина Джаббаровна**

Ответственный за сайт — **ФИЛИППОВ Дмитрий Сергеевич**

Выпускающий редактор — **ЧЕБОТАРЕВ Владимир Евгеньевич**

Английская версия — **СКУЙБЕДИНА Ольга Николаевна**

Дизайнер — **КАСЯКИН Игорь Викторович**

The online scientific journal «Bulletin of the Law Institute of MIIT» 2024. № 4 (48)

The date of the issue is the 15-th of January, 2025.

The journal has been published since January 2013.

The research area of the publications is 12.00.00 Jurisprudence.

The official address of the editorial board is Obraztsov Str., 9/9, Moscow, 127994.

Tel.: 8 (495) 681-90-19;

Fax.: 8 (495) 684-28-49;

Email: albinadg@mail.ru.

The official site in the Internet is URL: <http://vestnik-ui-miit.ru/>

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «**Russian University of Transport**».

The journal is introduced into the system of the Russian Science Citation Index (RSCI) according to the contractual agreement № 381-06/2016 of June 24, 2016.

The journal is assigned an international standard serial number (ISSN) **2542-1573**.

The journal is issued 4 times a year.

Editorial Board

The editor-in-chief is **KORYAKIN Viktor Mikhailovich**, Doctor of Law (20.02.03), professor (12.00.03) (e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru)

The executive editor is **GUSEYNOVA Albina Dzhabbarovna**

The programmer and designer of the Website is **FILIPPOV Dmitry Sergeevich**

The managing editor is **CHEBOTAREV Vladimir Evgenievich**

The English version is made by **SKUYBEDINA Olga Nikolaevna**

The graphic designer is **KASYAKIN Igor Viktorovich**

<p><i>Главный редактор:</i> Корякин Виктор Михайлович доктор юридических наук, профессор</p> <p><i>Редакционный совет:</i> Нестеров Евгений Александрович кандидат юридических наук, директор Юри- дического института МИИТ (председатель совета)</p> <p>Киселевич Игорь Валентинович кандидат юридических наук, доцент Писенко Кирилл Андреевич доктор юридических наук, доцент Рудакова Елена Николаевна, доктор политических наук, профессор Цветков Виктор Яковлевич доктор технических наук, профессор Чеботарева Анна Александровна, доктор юридических наук, доцент</p>	<p><i>The editor-in-chief:</i> Koryakin Viktor Mikhailovich Doctor of Law, professor</p> <p><i>Editorial Council:</i> Nesterov Evgeny Aleksandrovich Candidate of Law, the head of the Law Institute of MIIT (Chairman of the Council)</p> <p>Kiselevich Igor Valentinovich Candidate of Law, associate professor Pisenko Kirill Andreevich Doctor of Law, associate professor Rudakova Elena Nikolaevna Doctor of Political Sciences, professor Tsvetkov Viktor Yakovlevich Doctor of Technical Sciences, professor Chebotareva Anna Aleksandrovna Doctor of Law, associate professor</p>
<p>© Российский университет транспорта (МИИТ), 2024</p> <p>При использовании материалов журнала необходимо ссылаться на «Вестник Юридического института МИИТ»</p>	<p>Официальный сайт Юридического инсти- тута www.ui-miit.ru</p>
<p>© Russian University of Transport, 2024</p> <p>When using materials from the journal, the reference to the «Bulletin of the Law Institute of MIIT» is obligatory.</p>	<p>The official site of the Law Institute is www.ui-miit.ru</p>

Конституционное правосудие

Корякин В. М.

Сроки давности по антикоррупционным искам прокуроров:
правовые позиции Конституционного Суда Российской
Федерации.....9

Уголовное право

Новиков В. А.

Цели конфискации имущества и судебного штрафа
как иных мер уголовно-правового характера 22

Трудовое право

Зайков Д. Е.

Отдельные проблемы оплаты сверхурочной работы
в служебных командировках 29

Налоговое право

Шатская И. И.

Законодательные изменения в действующей налоговой
системе 36

Транспортное право

Станкевич Д. В.

Обоснование юридического запрета ремонта элементов
кузова и рамы автомобиля, влияющих на пассивную
безопасность.....45

Информационное право

Максуров А. А. Сущность информационной технологии как правового явления	50
Ярош И. Д. Правовое и технологическое регулирование	59

Международное право

Зигарев А. В. Основные этапы формирования международно-правового режима дна Мирового океана.....	68
Кызим Е. Р. Роль Международной организации гражданской авиации в повышении уровня безопасности полетов.....	75

Зарубежная практика

Бажанов С. В. Политико-правовая система Португалии	79
--	----

Высшее образование в России

Линёва Е. С. Влияние искусственного интеллекта на трансформацию юридического образования.....	91
Требования к материалам, представляемым для опубликования в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»	97

Constitutional justice

Koryakin Viktor M.

Limitation periods for anti-corruption claims of prosecutors:
legal positions of the Constitutional Court
of the Russian Federation 9

Criminal law

Novikov Valery An.

The purposes of property confiscation and judicial fines
as other criminal law measures 22

Labor law

Zaikov Denis Ev.

Certain issues of overtime pay on business trips.....29

Tax law

Shatskaya Irina Iv.

Legislative changes in the current tax system.....36

Transport law

Stankevich Dmitry V.

Justification for the legal ban on repairing a vehicle body
and frame parts that affect passive safety 45

Information law

Maksurov Aleksey An.

The essence of information technology as a legal phenomenon 50

Yarosh Inna D. Legal and technological regulation.....	59
--	----

International law

Zigarev Aleksander V. The main stages of the international legal regime formation of the world's ocean floor	68
---	----

Kyzim Ekaterina R. The role of the International Civil Aviation Organization in improving flight security.....	75
---	----

Foreign experience

Bazhanov Stanislav V. Political and legal system of Portugal.....	79
---	----

Higher education in Russia

Lineva Ekaterina S. The impact of artificial intelligence on the transformation of legal education	91
---	----

Requirements for the materials submitted for publication in the journal "Bulletin of the Law Institute MIIT"	97
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ CONSTITUTIONAL JUSTICE

Научная статья
УДК 347.131.222

Сроки давности по антикоррупционным искам прокуроров: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Статья представляет собой научно-практический комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П, которым разрешена правовая неопределенность, связанная с возможностью применения гражданско-правового института исковой давности к делам, возбуждаемым по искам прокуроров об изъятии в доход государства имущества у лиц, которые приобрели это имущество с нарушениями требований законодательства о противодействии коррупции. Проанализированы правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в данном Постановлении: о месте и роли изъятия имущества у коррупционеров в общей системе антикоррупционной политики Российской Федерации; о правовой природе и значении института исковой давности для обеспечения стабильности гражданского оборота; о невозможности применения института исковой давности к антикоррупционным искам прокуроров.

Ключевые слова: противодействие коррупции; антикоррупционный иск прокурора; изъятие имущества, полученного незаконным путем; исковая давность.

Limitation periods for anti-corruption claims of prosecutors: legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Viktor M. Koryakin,
Doctor of Law, professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper is a scientific and practical commentary to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P, which has resolved the legal uncertainty on the possibility to apply the civil law institute of the statute of limitations to cases initiated by claims of prosecutors to seize property from persons who acquired this property in violation of the requirements of the legislation on combating corruption. There have been analyzed such legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, formulated in this Resolution as on the place and role of property seizure from corrupt officials in the general system of anti-corruption policy of the Russian Federation; on the legal nature and significance of the institute of the statute of limitations to ensure the stability of civil turnover; on the impossibility to apply the statute of limitations to anti-corruption claims of prosecutors.

Keywords: anti-corruption; anti-corruption claim of a prosecutor; seizure of illegally obtained property; statute of limitations.

Для цитирования: Корякин В. М. Сроки давности по антикоррупционным искам прокуроров: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 9—21.

© Корякин В. М., 2024

Среди разнообразных правовых средств противодействия коррупции, предусмотренных отечественным антикоррупционным законодательством, особое место занимает возможность изъятия в доход государства имущества коррупционеров в случае, если они не смогут доказать законность происхождения средств на его приобретение. Впервые институт контроля за расходами лиц, замещающих должности с повышенными коррупционными рисками, был введен в нашей стране Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Частью 1 ст. 17 названного Федерального закона, непосредственной целью которого, как следует из его ст. 1, является противодействие коррупции, установлено, что Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему

прокуроры в течение четырех месяцев со дня получения соответствующих материалов рассматривают их в пределах своей компетенции, после чего в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации не-

возможно. Согласно ч. 2 ст. 17 Закона при выявлении в ходе осуществления контроля за расходами такого должностного лица, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры также обращаются в суд с соответствующим заявлением.

В литературе приводятся самые разные мнения и оценки относительно возможности изъятия у коррупционеров имущества, в отношении которого не представлены доказательства законности происхождения средств на его приобретение. Немало дискуссий вызывает и процессуальный порядок изъятия имущества в доход государства. Несмотря на разнообразие мнений, большинство исследователей сходятся на том, что изъятие имущества — наиболее действенное и весьма чувствительное правовое средство воздействия на коррупционеров, однако этот институт нуждается в совершенствовании, о чем свидетельствует в том числе правоприменительная практика судов [1—3].

Как показывает статистика, прокуроры весьма активно используют данный инструмент борьбы с коррупцией. Так, по информации Генеральной прокуратуры РФ, за девять месяцев 2023 г. суды удовлетворили иски прокуроров об изъятии у чиновников незаконно приобретенного имущества более чем на 220 млрд руб. При этом по уже вступившим в законную силу решениям судов в доход государства поступило 3472 объекта на сумму свыше 120 млрд руб. [<https://rg.ru/2023/12/09/genprokuro>

[r-krasnov-u-korrupcionerov-v-2023-godu-iziatu-imushchestva-na-220-mlrd-rublej.html](https://rg.ru/2023/12/09/genprokuro) (дата обращения: 18 ноября 2024 г.)].

Одним из спорных вопросов, возникших в правоприменительной практике по делам такого рода, явилась неопределенность в том, возможно ли применение к антикоррупционным искам прокуроров института исковой давности, предусмотренного гражданским законодательством.

Согласно ст. 195 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) исковая давность представляет собой срок для защиты прав лица, права которого нарушены. Как обоснованно указывается исследователями, установленные сроки исковой давности стимулируют пострадавшее лицо предъявить требование о защите нарушенных прав в пределах срока действия исковой давности. Если по истечении срока исковой давности лицо, чьи права были нарушены, так и не обратилось с иском, оно теряет право на судебную защиту своего нарушенного интереса [4]. Представляется верным суждение о том, что без предусмотренной законодательством исковой давности сохранялась бы неопределенность в отношениях пострадавшего лица и нарушителя [5, стр. 352].

Вместе с тем, как свидетельствует практика антикоррупционной деятельности, нередки ситуации, когда гражданско-правовой институт исковой давности может использоваться в качестве внешне вполне легального способа ухода от ответственности. Именно так попытался поступить бывший крупный чиновник К. из Краснодарского края, который со ссылкой на пропуск прокурором срока исковой давности оспорил в суде

апелляционной инстанции решение районного суда, которым были удовлетворены искивые требования заместителя Генерального прокурора РФ и в доход Российской Федерации были обращены акции и доли в уставных капиталах 22 хозяйственных обществ общей стоимостью свыше 9 млрд руб., как приобретенные ответчиком незаконным путем с использованием должностного положения.

Судом первой инстанции были отклонены доводы ответчика о том, что срок исковой давности по соответствующим требованиям должен исчисляться с момента, когда Российская Федерация в лице уполномоченных органов узнала или должна была узнать о нарушении своего права, т.е. с даты регистрации в ЕГРЮЛ долей участия ответчика в хозяйственных обществах, а также зачисления на его лицевые счета спорных ценных бумаг, а десятилетний срок исковой давности, предусмотренный п. 2 ст.196 ГК РФ, к моменту рассмотрения дела истек. Суд указал, что институт исковой давности в данном деле неприменим, поскольку объектом защиты в такого рода спорах выступает не чье-либо субъективное право, а интересы всего общества и государства. Как отмечено в решении суда, применение сроков исковой давности к антикоррупционным искам не соответствует требованиям законности и справедливости, способствует нахождению в гражданском обороте незаконно полученного (приобретенного) имущества, его легализации, сокрытию от контролирующих органов и в итоге — поощрению коррупционного поведения и противоправному обогащению, что несовместимо с принципами суще-

ствования и деятельности правового государства.

Не согласившись с указанным решением суда первой инстанции, ответчик обратился в Краснодарский краевой суд с апелляционной жалобой, в которой ссылается, в частности, на пропуск прокурором срока исковой давности. Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда, рассматривая эту жалобу, приостановила производство по делу и обратилась с запросом в Конституционный Суд РФ.

В запросе отмечается, что в судебной практике по вопросу о применимости исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения лицом требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, сформированы взаимоисключающие подходы. В некоторых случаях суды отдавали приоритет частным интересам и целям стабильности гражданского оборота, допуская применение исковой давности, тогда как в других делах, напротив, исходили из приоритета публичных интересов и целей противодействия коррупции, в связи с чем делали вывод о неприменимости исковой давности к антикоррупционным искам.

Конституционный Суд РФ, изучив все материалы и обстоятельства данного дела, принял результирующий судебный акт [Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда»], в котором сформулиро-

вал ряд очень важных правовых позиций, которые в силу статуса данного судебного органа и особой правовой природы его актов носят прецедентный характер, т.е. являются обязательными для всех других судов, рассматривающих аналогичные дела. [Более подробно о сущности и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ см. [6, стр. 17—41].]

Всю совокупность правовых позиций высшего органа конституционного контроля, сформулированных в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П, можно разделить на три группы:

а) суждения о месте и роли изъятия имущества у коррупционеров в общей системе антикоррупционной политики Российской Федерации;

б) выводы о правовой природе и значении института исковой давности для обеспечения стабильности гражданского оборота;

в) обоснование невозможности применения института исковой давности к антикоррупционным искам прокуроров.

Содержание названных правовых позиций Конституционного Суда РФ сводится к следующему.

1. О месте и роли изъятия имущества у коррупционеров в общей системе антикоррупционной политики Российской Федерации.

1.1. Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной. Это согласуется с общими направлениями и принципами государственной антикоррупционной политики, включая

перечисленные в ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» принципы неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции. Иное способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению, а потому вступало бы в противоречие с требованиями ст. 4 (ч. 2), 7 (ч. 1), 15 (ч. 2), 17 (ч. 3), 19 (ч. 1), 35 (ч. 1), 52, 55 (ч. 3) и 75.1 Конституции РФ.

1.2. Меры, предполагающие обращение в доход государства имущества и денежных средств, в отношении которых не опровергнута презумпция незаконности происхождения или установлена незаконность происхождения, имеют, являясь по своему существу особой формой правового государственного принуждения наряду с уголовно-правовыми и административно-деликтными мерами, конституционно значимую публичную цель борьбы с деяниями коррупционной направленности. Они ориентированы на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства, на защиту демократического строя. Наличие таких мер и их действенное применение призваны

повысить результативность противодействия коррупции, предотвратить риски, связанные с неправомерным влиянием на государственных и муниципальных служащих, иных выполняющих публично значимые функции лиц и тем самым — с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более публичной власти и криминала.

Соответственно, обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества и денежных средств, принадлежащих лицу, подпадающему под действие антикоррупционного законодательства, будучи введенным федеральным законодателем в целях противодействия коррупции, как таковое направлено на защиту конституционно значимых ценностей и, следовательно, не нарушает требований Конституции РФ.

1.3. Имущество, подлежащее изъятию по антикоррупционным искам, обращается в доход Российской Федерации. Поступая в федеральную собственность, данное имущество, таким образом, подлежит использованию на благо всего общества, что направлено на восстановление социальной справедливости и укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией. Несмотря на то что такое обращение имущества в доход Российской Федерации не носит компенсаторного характера, по своей природе оно направлено на хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства (правового эквивалента).

1.4. Хотя в подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ указано, что обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы,

влечет последствия в виде прекращения права собственности на такое имущество, из этого не следует вывод о частноправовой природе данного института. Являясь элементом механизма контроля за расходами лиц, занимающих (занимавших) публично значимую должность, данная норма гражданского законодательства во взаимосвязи со ст. 169 ГК РФ выступает проекцией соответствующей публично-правовой по своей природе меры и призвана обеспечить прозрачный и понятный для участников гражданско-правовых отношений порядок перехода права собственности к Российской Федерации.

2. О правовой природе и значении института исковой давности для обеспечения стабильности гражданского оборота.

2.1. Целью установления сроков давности является как обеспечение эффективности реализации публичных функций, стабильности правопорядка и рациональной организации деятельности правоприменителя, так и сохранение стабильности правовых отношений и гарантирование конституционных прав лица, совершившего деяние, влекущее для него правовые последствия, поскольку никто не может быть поставлен под угрозу возможных негативных последствий на неопределенный или слишком длительный срок. Наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий.

2.2. Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота предопределяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имуще-

ственных притязаний одних лиц к другим, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что ее права нарушены. В гражданском законодательстве таково предназначение норм об исковой давности, под которой ГК РФ (ст. 195) понимает срок для защиты права по иску лица, чье право нарушено.

Институт исковой давности имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений. Отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав вело бы к ущемлению прав и охраняемых законом интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела доказательств. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав.

2.3. Исключения из общего правила о сроке исковой давности допустимы, если они необходимы в целях защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов исходя из принципов справедливости, равенства и сораз-

мерности (пропорциональности). Эти принципы, обуславливая обеспечение одинакового объема юридических гарантий всем лицам, относящимся к одной категории, предполагают отказ в применении срока давности по требованию тех, кто, противодействуя мерам контроля (проверкам), направленным на выявление противоправного поведения, использует положение о сроках давности вопреки его предназначению, в ущерб правам других лиц и публичным интересам.

2.4. Недопустимо как противоречащее основам российской правовой системы такое использование защиты закона и суда, которое осуществлялось бы вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом в случае, если притязания лица на применение в его отношении юридических средств защиты, предоставленных действующим правовым регулированием, основаны на их недобросовестном использовании в противоправных целях. Иное позволяло бы вопреки назначению правового государства и правосудия извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

3. Обоснование невозможности применения института исковой давности к антикоррупционным искам прокуроров.

3.1. В случае обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на противодействие коррупции, нельзя говорить о защите субъективного гражданского права в том значении, в котором это понятие используется в ст. 195 ГК РФ.

Под правом лица, подлежащим защите судом, следует понимать субъективное гражданское право конкретного лица. Обращение же в доход государства имущества по рассматриваемым основаниям, хотя соответствующие правоотношения и формируются в отношении юридической судьбы имущества, связано не с нарушением субъективных гражданских прав государства, выступающего в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений, а с нарушением лицом, выполняющим публичные функции, запретов и ограничений, установленных законодательством о противодействии коррупции.

При обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества целью такого требования не является восстановление прав участника гражданского оборота, как это имеет место, например, при виндикации или реституции. Не опосредует применение этой меры и гражданско-правовую ответственность за нарушение антикоррупционных требований и запретов в смысле возмещения ущерба иным лицам, пострадавшим от деяний коррупционной направленности.

Таким образом, рассматриваемое обращение в доход государства имущества, имея своей целью реализацию публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции, а не восстановление имущественного положения участников гражданского оборота, не является по своей природе способом защиты гражданских прав. Если применение гражданско-правовых оснований изъятия имущества у лица и передачи другому лицу имеет компенсаторный, по общему правилу, характер, то при рассматри-

ваемом обращении имущества в доход государства, напротив, цели компенсации не являются определяющими: оно служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов.

Уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств прокурор действует, таким образом, не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав публично-правового образования, а в целях защиты общественных и государственных интересов, что соответствует характеру возложенных на прокуратуру РФ публичных функций, связанных с поддержанием правопорядка.

3.2. Должностные лица, совершающие коррупционные деяния, предпринимают меры по сокрытию от контролирующих органов как самих нарушений, так и приобретенного путем их совершения имущества, в том числе посредством его передачи или регистрации на родственников и подконтрольных лиц (номинальных владельцев) в целях последующего пользования, владения и распоряжения им, включая его (и доходов от него) превращение или преобразование в иные активы, его приобщение к имуществу, приобретенному из законных источников. С этой целью они применяют комплекс мер для оказания активного и целенаправленного противодействия органам контроля и проведению проверочных мероприятий, используют для этого властные полномочия и в ряде случаев должностные иммунитеты, а после оставления публично значимой должности — фактическое влияние на деятель-

ность государственных институтов или их должностных лиц (коррупционные связи). Более того, такие лица в отдельных случаях выступают не только владельцами коррупционных активов, но и теми, кто в силу возложенных на них обязанностей должен контролировать соблюдение законодательства и бороться с коррупционными проявлениями, однако действуют не в интересах государства и общества, а в целях создания благоприятных условий собственному бизнесу и сохранения нелегального капитала. Подобное поведение является априори недобросовестным.

3.3. Применение института давности наступления неблагоприятных последствий противоправного поведения не предполагается, если подлежащее контролю лицо препятствовало осуществлению контроля и, соответственно, выявлению противоправного деяния, иначе возникала бы возможность злоупотребления правом с целью избежать в связи с истечением срока давности неблагоприятных последствий противоправного поведения. Недобросовестное поведение лица, совершившего деяния коррупционной направленности, должно лишать это лицо оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты своих незаконных интересов.

Применительно к лицам, в связи с совершением которыми деяний коррупционной направленности заявляется исковое требование об обращении в доход Российской Федерации имущества как незаконно нажитого, есть разумные правовые основания презюмировать использование схем сокрытия совершенных ими нарушений, которое затрудняет их выявление, а также выявление приобретен-

ного посредством их совершения имущества.

По существу, лишь на основе собранной и надлежаще закреплённой информации прокурор приобретает реальную возможность подать антикоррупционный иск, чтобы он был обеспечен доказательствами, тем более когда они выходят за пределы количественного сопоставления доходов и расходов. Если точкой отсчета при исчислении срока исковой давности признавать начало работы по выявлению конкретных обстоятельств, то это не позволяло бы учесть, что ее ход может быть существенно затруднен принятыми и дополнительно принимаемыми совершившим коррупционное деяние лицом мерами по сокрытию признаков своей противоправной деятельности. Более того, со стороны такого лица с учетом возможного наличия у него коррупционных связей может иметь место и противодействие своевременной подаче прокурором искового заявления, в частности за счет создания видимости формального истечения срока исковой давности.

3.4. Установленные гражданским законодательством правила исчисления начала течения срока исковой давности не гарантируют учета возможности противодействия со стороны лиц, совершивших деяния коррупционной направленности, установлению оснований для подачи антикоррупционного иска и собственно его подаче.

С учетом изложенного, признание сроков исковой давности, как они универсальным образом регулируются положениями ГК РФ, применимыми к антикоррупционным искам, может породить целый ряд негативных последствий, несовместимых с принципами правового государства.

Прежде всего, применение регулируемых таким образом сроков исковой давности к требованиям об обращении в доход Российской Федерации имущества, нажитого посредством совершения деяний коррупционной направленности, может быть воспринято в обществе как то, что, вопреки существующей в силу Конституции РФ обязанности государства принимать эффективные меры по противодействию коррупции, по истечении некоторого срока — такого же, как установлен для случаев, не связанных с проявлениями коррупции, — государство отказывается от защиты основ конституционного строя и правовой демократии. Тем самым оно встает на сторону должностного лица, незаконно обогатившегося за счет злоупотребления полномочиями, освобождает его от негативных последствий несоблюдения антикоррупционных требований и запретов, гарантирует сохранность его имущественного положения и фактически реабилитирует неправомерно нажитый им капитал, притом что обеспечение названных конституционных ценностей является обязанностью публичной власти перед единственным источником власти — народом Российской Федерации. В таком случае данные лица будут поставлены в привилегированное положение, что в итоге ведет к поощрению коррупции и подрывает веру граждан в законность, добро и справедливость.

3.5. Согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного и недобросовестного поведения. Вовлечение же в гражданский оборот коррупционных доходов или приобретенного на них имущества может ухудшать положение законопослушных хозяйствующих

субъектов. Получение имущества коррупционным путем не предполагает возможности его легализации в гражданском обороте по прошествии времени. Оно продолжает создавать неконкурентное и несправедливое преимущество, направленное, по существу, против добросовестных участников рынка. В конечном счете данный подход будет дискредитировать гражданский оборот и правопорядок в целом, что само по себе противоречит целям установления исковой давности.

Применение норм об исковой давности к указанной категории дел ослабляет правовое значение деятельности государственных институтов по выявлению фактов коррупции, поскольку их установление не будет иметь какой-либо практической ценности в силу прекращения судопроизводства по формальному основанию — ввиду истечения срока исковой давности. Это, в свою очередь, будет поощрять противоправную деятельность должностных лиц и стимулировать их к развитию более изощренных и надежных способов конспирации нелегального капитала, с тем чтобы предпринятых мер было достаточно для истечения срока исковой давности.

Применение института исковой давности без учета особенностей рассматриваемых отношений, таким образом, позволяло бы лицам, нарушающим антикоррупционные требования и запреты, извлекать из этого выгоду путем сохранения в их владении приобретенного вследствие таких нарушений имущества, что также непосредственно вступило бы, — по крайней мере, при распространении на эти отношения общего срока исковой давности и правил его исчисления, не учитывающих специфику вы-

явления деяний коррупционной направленности, — в противоречие с целями данного института.

3.6. Таким образом, в системе действующего правового регулирования сложилось следующее положение дел. С одной стороны, общие гражданско-правовые нормы об исковой давности объективно не приспособлены для применения при обращении в доход Российской Федерации коррупционно нажитого имущества, а их применение без учета специфики выявления деяний коррупционной направленности способно (в значительной степени) нивелировать антикоррупционную политику государства. С другой стороны, законодательство не содержит прямого нормативного указания на то, что к этим отношениям сроки исковой давности не применяются; не установлены и особенности продолжительности и (или) исчисления сроков исковой давности с учетом особенностей рассматриваемых отношений.

Исходя из изложенного, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П пришел к обоснованному выводу о том, что взаимосвязанные ст. 195, 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 ГК РФ не соответствуют Конституции РФ, ее ст. 1 (ч. 1), 8, 15 (ч. 2), 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2) и 75.1, в той мере, в какой судебное толкование позволяет рассматривать установленные ими общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения в качестве распространяющихся на требования Генерального прокурора РФ или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (зани-

мавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, что не позволяет обеспечить учет особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований.

Конституционный Суд РФ отметил, что в случае установления федеральным законодателем срока (сроков) давности для требований Генерального прокурора РФ или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, законодателю необходимо следовать содержащимся в данном Постановлении правовым позициям Конституционного Суда РФ, касающимся обязательности учета особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований, что предполагает:

— установление существенно превышающих, соответственно, три и десять лет сроков (срока) давности;

— невключение в соответствующие сроки (срок) периода, когда лицо, нарушение которым требований и запретов, направленных на предот-

вращение коррупции, послужило основанием искового заявления, сохраняло формализованное или фактическое положение (коррупционные связи), позволяющее оказывать влияние на деятельность государственных институтов или их должностных лиц;

— определение начала течения этих сроков (этого срока) со дня выявления в установленном порядке Генеральным прокурором РФ или подчиненными ему прокурорами фактов нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и приобретения имущества вследствие этих нарушений;

— закрепление иных специальных правил течения срока давности;

— сочетание этих правовых инструментов.

При этом не должно допускаться применение такого срока (сроков) в случае противодействия ответчика либо иных лиц по инициативе ответчика выявлению Генеральным прокурором РФ или подчиненными ему прокурорами обстоятельств нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции и незаконного обогащения, либо формированию доказательственной базы для обращения в суд с иском заявлением, либо обращению с таким заявлением.

Источники

1. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум / А. И. Землин, О. М. Землина, В. М. Корякин, В. В. Козлов ; под общей редакцией А. И. Землина. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.
2. Скловский, К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции / К. И. Скловский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 11. — С. 156—186.
3. Трунов, И. Л. Деприватизация, национализация или тенденция back in the ussr? Рост обращений имущества в доход государства / И. Л. Трунов // Вестник Российской академии естественных наук. — 2024. — № 1. — С. 84—92.
4. Кесаева, В. А. Исковая давность: понятие и особенности применения / В. А. Кесаева // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 4. — С. 108—110.
5. Гражданское право в вопросах и ответах : учебное пособие / С. С. Алексеев, Б. М. Гонгалов, Д. В. Мурзин и др. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2017.
6. Корякин, В. М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права / В. М. Корякин. — Москва : За права военнослужащих, 2006.

References

1. Pravovyye osnovy protivodeystviya korrupcii : uchebnik i praktikum [Legal basis for combating corruption: textbook and workshop] / A. I. Zemlin, O. M. Zemlina, V. M. Koryakin, V. V. Kozlov ; pod obshchey redaksiyey A. I. Zemlina. — Moskva : Izda-tel'stvo Yurayt, 2019.
2. Sklovskiy, K. I. Primeneniye zakonodatel'stva ob obrashchenii v dokhod gosudarstva imushchestva, poluchennogo v rezul'tate narusheniya zakonodatel'stva o protivodeystvii kor-rupcii [Application of legislation on the conversion of property obtained as a result of violation of anti-corruption legislation into state revenue] / K. I. Sklovskiy // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federa-tsii. — 2021. — № 11. — S. 156—186.
3. Trunov, I. L. Deprivatizatsiya, natsionalizatsiya ili tendentsiya back in the USSR? Rost obrashcheniy imushchestva v dokhod gosudarstva [Deprivatization, nationalization, or a back in the

- USSR trend? Growth of property conversion into state revenue] / I. L. Trunov // Vestnik Rossiyskoy akademii yestestvennykh nauk. — 2024. — № 1. — S. 84—92.
4. Kesayeva, V. A. Iskovaya davnost': ponyatiye i osobennosti primeneniya [Limitation period: concept and application features] / V. A. Kesayeva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2022. — № 4. — S. 108—110.
  5. Grazhdanskoye pravo v voprosakh i otvetakh : uchebnoye posobiye [Civil law in questions and answers] / S. S. Alekseyev, B. M. Gongalo, D. V. Murzin i dr. — 3-ye izd., pererab. i dop. — Moskva : Prospekt, 2017.
  6. Koryakin, V. M. Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po problemam voyennogo prava [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues of military law] / V. M. Koryakin. — Moskva : Za prava voyennosluzhashchikh, 2006.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

Научная статья
УДК 343.2

Цели конфискации имущества и судебного штрафа как иных мер уголовно-правового характера

Новиков Валерий Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с определением целей применения иных мер уголовно-правового характера в виде конфискации имущества и судебного штрафа. До настоящего времени цели данных принудительных мер в законе не сформулированы, что создает некоторую неопределенность, которая не позволяет до конца понять правовую природу конфискации имущества и судебного штрафа, провести отграничение судебного штрафа от штрафа как уголовного наказания. Автором статьи на основе анализа норм уголовного закона, а также с учетом мнений разных авторов, высказанных в научной литературе, определены основные цели конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера. Обосновывается вывод о том, что включение судебного штрафа в уголовный закон было ошибочным решением и сделаны предложения по изменению и дополнению действующего законодательства.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера; конфискация имущества; возмещение вреда, причиненного законному владельцу имущества; штраф; судебный штраф; судимость.

The purposes of property confiscation and judicial fines as other criminal law measures

Valery An. Novikov,
Candidate of Law, associate professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has studied the crucial issues related to the definition of the purposes of applying other criminal law measures in the form of property confiscation and a judicial fine. Until now, the purposes of these coercive measures have not been formulated in the law, which creates some uncertainty that does not allow understanding the legal nature of property confiscation and a judicial fine and distinguishing a judicial fine from a fine as a criminal punishment. The author of the paper, due to the analysis of the norms of the criminal law and taking into account various authors' opinions in the scientific literature, has defined the main goals of property confiscation as another criminal law measure. There has been concluded that the inclusion of a judicial fine in the criminal law was an erroneous decision and there have been proposed to change and supplement the current legislation.

Keywords: other criminal law measures; property confiscation; compensation for damage caused to a legal owner of the property; fine; judicial fine; criminal record.

Для цитирования: Новиков В. А. Цели конфискации имущества и судебного штрафа как иных мер уголовно-правового характера // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 22—27.

© Новиков В. А., 2024

Наказание, а также иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные действующим законодательством, применяются к лицам, совершившим общественно опасные деяния, с определенными целями, достижение которых позволяет эффективно бороться с преступностью. Так, цели уголовного наказания определены в ч. 2 ст. 43 УК РФ, из которой следует, что оно применяется для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений. При определенных обстоятельствах, указанных в законе, к лицу, совершившему общественно опасное деяние, могут быть применены иные меры уголовно-правового характера, к числу которых относятся принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф. К ним можно отнести и принудительные меры воспитательного воздействия.

Цели применения принудительных мер медицинского характера перечислены в ст. 98 УК РФ. Они применяются для излечения лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшения их психического состояния, а также предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний. В соответствии с ч. 1 ст. 90 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия применяются к несовершеннолетним лицам, совершившим преступления, с целью их исправления.

Что касается конфискации имущества и судебного штрафа, то цели их применения в законе не указаны. Это очевидный законодательный пробел, который должен быть устранен. Суды, применяя к правонарушителям иные меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества или судебного штрафа, по крайней мере, должны понимать их правовую природу и предназначение, что весьма затруднительно сделать, если

цели той или иной принудительной меры не декларируются в законе. Такая неопределенность не могла не породить дискуссию в научной литературе, в результате которой, даже на доктринальном уровне, так и не удалось вполне определенно сформулировать цели конфискации имущества и судебного штрафа.

Как известно, в 2003 г. конфискация имущества была исключена из числа видов наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, и Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ вновь включена в УК РФ, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера. В ч. 1 ст. 104.1 УК РФ дано понятие конфискации и указан перечень имущества, подлежащего изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора суда.

По вопросу о целях конфискации имущества в научной литературе были высказаны разные суждения. Есть мнение, что цели конфискации имущества и уголовного наказания полностью совпадают. Так, В. А. Посохова считает, что наказание и конфискация имущества применяются в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [4, стр. 8]. С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Если конфискация имущества применяется только с целями, предусмотренными ч. 2 ст. 43 УК РФ, то в таком случае придется признать, что по своей юридической природе она ничем не отличается от наказания, является карой, а не иной мерой уголовно-правового характера.

О. И. Давыдова, справедливо полагает, что основная социально-политическая функция конфискации имущества не карательная, а преду-

предительная и соответственно целью ее применения является предупреждение совершения преступлений [2, стр. 56].

Д. В. Толков утверждает, что конфискацией имущества достигается несколько целей, которые предлагает дифференцировать в зависимости от вида имущества, изымаемого в собственность государства. Деньги, ценности и иное имущество, предназначенное для финансирования преступной деятельности (терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования и др.), конфискуются в целях восстановления социальной справедливости, устранения опасности и (или) предупреждения совершения новых преступлений. В то же время имущество, приобретенное преступным путем, а также доходы от его использования обращаются в собственность государства с целью восстановления правового положения, нарушенного в результате совершения преступления [5, стр. 9].

По нашему мнению, наиболее удачно цели конфискации имущества сформулировал Ю. И. Антонов, который отмечает, что конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера применяется в следующих целях: предупреждения совершения новых преступлений; восстановления нарушенных прав законного владельца имущества; исключения возможности последующего противозаконного использования предметов, указанных в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [6, стр. 401].

На первый взгляд, цель восстановления нарушенных прав законного владельца имущества является едва ли не самой главной. В ч. 1 ст. 104.3 УК РФ сказано, что при решении вопроса о конфискации имущества в первую

очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу. Однако ознакомление с ч. 2 ст. 104.3 УК РФ дает повод усомниться в этом. Вред, причиненный законному владельцу, возмещается из стоимости конфискованного имущества при условии, что у виновного лица отсутствует иное имущество, на которое может быть обращено взыскание. Также он не может быть возмещен и за счет имущества, указанного в ч. 1 и 2 ст. 104.1 УК РФ.

Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера был включен в УК РФ Федеральным законом от 3 июня 2016 г. № 323-ФЗ. Законодательная инициатива исходила от Верховного Суда РФ. Первоначально предполагалось не только штраф, но и другие виды наказаний применять в качестве иных мер уголовно-правового характера (лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы). В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что эти меры должны повысить эффективность института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. После уплаты судебного штрафа лицо, совершившее преступление, не будет иметь судимости, что позволит ему в последующем избежать негативных последствий, предусмотренных действующим законодательством.

В окончательной редакции был принят федеральный закон, в соответствии с которым только штрафу придали свойства иной меры уголовно-правового характера. Таким образом, в результате внесенных в уголовный закон дополнений появился новый и весьма сомнительный правовой институт освобождения от

уголовной ответственности, который по своей сути таковым не является, так как не освобождает лицо от важнейшего последствия привлечения к уголовной ответственности — наказания. Тот факт, что ему придумали всего лишь другое название — судебный штраф и предложили считать не наказанием, а иной мерой уголовно-правового характера, принципиально ничего не меняет.

В ч. 1 ст. 104.4 УК РФ судебный штраф определен как денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.2 УК РФ. Следует отметить, что в русском языке под «взысканием» понимается наказание, назначаемое за невыполнение или нарушение чего-либо [3, стр. 85]. Судебный штраф отличается от штрафа как одного из видов уголовного наказания только меньшим размером, а также тем, что не влечет правового последствия в виде судимости. Если данный правовой институт задумывался лишь с целью освобождения лица от негативных последствий, связанных с судимостью, то это можно было сделать несколько иначе, не перегружая уголовный закон правовыми нормами, которые плохо согласуются с учением об уголовной ответственности.

Как известно судимость учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой некоторые нежелательные для виновного лица правовые последствия, предусмотренные действующим законодательством. Судимость имеет временные пределы и в соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ аннулируется путем погашения или досрочного снятия судом. Порядок досрочного снятия судимости регулируется ст. 400 УПК РФ. Для решения вопроса о досрочном снятии су-

димости с виновного лица достаточно было ст. 46 УК РФ дополнить правовой нормой следующего содержания: «Назначив наказание в виде штрафа за совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести, суд вправе снять с лица судимость, если оно добровольно уплатило штраф, а также возместило ущерб либо иным образом загладило причиненный преступлением вред».

Проблему аннулирования судимости для лиц, совершивших впервые преступления небольшой или средней тяжести, можно решить и более радикальным способом. Например, дополнить ст. 86 УК РФ ч. 7 следующего содержания: «Суд вправе при постановлении приговора снять судимость с лица, совершившего впервые преступление небольшой или средней тяжести, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред».

Одним из последствий судимости является ограничение трудовых прав, когда в силу действующих запретов лицо не вправе заниматься определенными видами трудовой деятельности, например, замещать должности на государственной гражданской или муниципальной службе, в правоохранительных органах. Так, в соответствии п. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданский служащий не может находиться на службе в случае наличия у него не снятой или не погашенной судимости за совершенное преступление. В силу прямого запрета, содержащегося в ст. 40.1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», лицо не может быть принято на службу в органы и организации прокуратуры и

находиться на указанной службе, если оно имело или имеет судимость. Схожие нормы содержатся и в ряде других федеральных законов.

Если разработчики законопроекта о судебном штрафе считают, что указанные правовые нормы создают социальную напряженность в регулировании трудовых отношений, то эта проблема могла быть решена путем смягчения действующих запретов в отношении соискателей на замещение должностей. В российском законодательстве такие примеры есть. В соответствии с п. 2 ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления, не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката. При этом наличие судимости за преступление, совершенное по неосторожности, не препятствует лицу в приобретении статуса адвоката.

Однако законодатель не идет по такому пути, а увязывает снятие судимости с уплатой определенной денежной суммы — судебного штрафа. Это в своей основе принципиально неверный подход, когда возможность освобождения от уголовной ответственности и ее последствий ставится в зависимость от имущественного положения виновного лица. Складывается такое впечатление, что товарно-денежные отношения, господствующие в капиталистическом обществе, начинают проникать и в уголовное право. Не удивительно, что в научных публикациях, посвященных проблемам освобождения от уголовной ответственности, судебный штраф нередко характеризуют как узаконенную возможность «откупиться» от су-

димости [7, стр. 27]. С. В. Анощенко и Е. И. Кильдюшова справедливо отмечают, что лицами с высоким материальным достатком и низким уровнем правосознания судебный штраф будет восприниматься как «откуп» или «индальгенция от уголовной ответственности» [1, стр. 141].

Подводя итог, можно заключить, что судебный штраф по своей юридической природе является наказанием, а не иной мерой уголовно-правового характера. Наказание это специфическое и отличается от обычного штрафа тем, что назначается в уменьшенном размере и не влечет для виновного лица последствия в виде судимости. Назна-

чение судебного штрафа, хотя и считается освобождением от уголовной ответственности, но по сути таковым не является, так как не освобождает лицо от негативных последствий привлечения к уголовной ответственности — уплаты, установленной законом, денежной суммы. При этом цели назначения штрафа как вида уголовного наказания и судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера полностью совпадают и состоят в восстановлении социальной справедливости, исправлении правонарушителя и предупреждении совершения новых преступлений.

Источники

1. Анощенко, С. В. Предупреждение новых преступлений как цель института судебного штрафа / С. В. Анощенко, Е. И. Кильдюшова // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 1.
2. Давыдова, О. И. Правовая природа и назначение конфискации имущества / О. И. Давыдова // Законность и правопорядок. — 2018. — № 4 (20).
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов ; под редакцией Н. Ю. Шведовой. — 22-е изд. — Москва, 1990.
4. Посохова, В. А. Уголовно-правовая характеристика конфискации имущества и ее социально-правовая сущность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Посохова. — Челябинск, 2007.
5. Толков, Д. В. Конфискация имущества как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Толков. — Рязань, 2010.
6. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под редакцией М. А. Кауфмана, А. В. Бриллиантова. — Москва, 2020.
7. Яни, П. С. Назначение судебного штрафа как обязанность суда / П. С. Яни // Законность. — 2021. — № 7 (1041).

References

1. Anoshchenkova, S. V. Preduprezhdeniye novykh prestupleniy kak tsel' instituta sudebnogo shtrafa [Prevention of new crimes as the goal of the institution of a judicial fine] / S. V. Anoshchenkova, Ye. I. Kil'dyushova // Probely v rossiyskom zakonodatel'-stve. — 2020. — № 1.
2. Davydova, O. I. Pravovaya priroda i naznacheneye konfiskatsii imushchestva [Legal nature and purpose of confiscation of property] / O. I. Davydova // Zakonnost' i pravoporyadok. — 2018. — № 4 (20).
3. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70000 slov [Dictionary of the Russian language: 70,000 words] / S. I. Ozhegov ; pod redaksiyey N. YU. Shvedovoy. — 22-ye izd. — Moskva, 1990.
4. Posokhova, V. A. Ugolovno-pravovaya kharakteristika konfiskatsii imushchestva i yeye sotsial'-no-pravovaya sushchnost' [Criminal-legal characteristics of confiscation of property and its social and legal essence]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. A. Posokhova. — Chelyabinsk, 2007.
5. Tolkov, D. V. Konfiskatsiya imushchestva kak institut ugolovnogo prava [Confiscation of property as an institution of criminal law]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / D. V. Tolkov. — Ryazan', 2010.

6. Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast' [Criminal law of Russia]: uchebnik / pod redaktsiyey M. A. Kaufmana, A. V. Brilliantova. — Moskva, 2020.
7. Yani, P. S. Naznachenije sudebnogo shtrafa kak obyazannost' suda [Appointment of a judicial fine as an obligation of the court] / P. S. Yani // Zakonnost'. — 2021. — № 7 (1041).

ТРУДОВОЕ ПРАВО LABOR LAW

Научная статья
УДК 349.235

Отдельные проблемы оплаты сверхурочной работы в служебных командировках

Зайков Денис Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования и вопросы оплаты труда работников при сверхурочной работе в период их нахождения в служебной командировке. Подобная усложненность трудовых отношений создает предпосылки для неоднозначного толкования и применения соответствующих норм права. Автор, анализируя специфику регламентации указанных правоотношений и разнонаправленно развивающуюся судебную практику, приходит к выводу о существовании нескольких подходов к решению проблемы оплаты сверхурочной работы в служебной командировке, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки.

Ключевые слова: служебная командировка; оплата сверхурочной работы; средний заработок; место работы; работник; работодатель.

Certain issues of overtime pay on business trips

Denis Ev. Zaikov,
Candidate of Law, associate professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has studied the peculiarities of legal regulation and issues of overtime pay of employees during their business trips. Such complexity of labor relations creates preconditions for ambiguous interpretation and application of the relevant legal norms. The author, analyzing the specifics of the regulation of the studied legal relations and the differently developing judicial practice, has concluded that there are several approaches to solving the problem of overtime payment on a business trip, each of which has its own advantages and disadvantages.

Keywords: business trip; overtime pay; average earnings; place of work; employee; employer.

Для цитирования: Зайков Д. Е. Отдельные проблемы оплаты сверхурочной работы в служебных командировках // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 28—34.

© Зайков Д. Е., 2024

В рамках трудовых отношений у работодателя нередко возникает необходимость направления работника в служебную командировку, что обуславливает возникновение отношений, регулируемых различными нормами трудового права, и это создает предпосылки для различного их толкования и применения.

Согласно ч. 1 ст. 166 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) служебная командировка — поездка работника по распоряжению работодателя на определенный срок для выполнения служебного поручения вне места постоянной работы. При этом служебные поездки работников, постоянная работа которых осуществляется в пути или имеет разъездной характер, служебными командировками не признаются.

Определение необходимости служебной командировки работника, подлежащего направлению в нее, срок служебной командировки и служебное поручение (здание), подлежащее выполнению работником, относится к исключительной компетенции работодателя. Для направления работника в служебную командировку по общему правилу его согласие не требуется.

Однако в отдельных случаях с учетом специфики правового положения работников трудовое законодательство устанавливает случаи запрета направления в служебную командировку (по общему правилу работницы

в возрасте до 18 лет, беременные женщины и др.) или такого направления только с их письменного согласия и при условии, что это не запрещено им в соответствии с медицинским заключением (женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет, работницы, имеющие детей-инвалидов, матери и отцы, воспитывающие без супруга (супруги) детей в возрасте до 14 лет и др.).

Одновременно с этим в силу ч. 1 ст. 379 ТК РФ в целях самозащиты трудовых прав работник, известив работодателя или своего непосредственного руководителя либо иного представителя работодателя в письменной форме, может отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью. Данное положение применимо и к направлению работника в служебную командировку, например, на территории проведения специальной военной операции.

В соответствии с ч. 1 ст. 167 ТК РФ работнику, направленному в служебную командировку, гарантируются сохранение места работы (должности) и среднего заработка, а также возмещение расходов, связанных со служебной командировкой. Правовое регулирование указанных вопросов установлено Положением об особенностях направления работников в служебные командировки, утвержденным постановлением Прави-

тельства РФ от 13 октября 2008 г. № 749 (далее — Положение).

Вместе с тем данный документ не предусматривает всей специфики возникающих отношений, что обуславливает наличие отдельных проблем реализации положений трудового законодательства в отношении работников в период их нахождения в служебной командировке.

Так, одним из подобных проблемных вопросов является порядок привлечения работника к сверхурочной работе в служебной командировке и ее оплата.

Согласно ч. 1 ст. 99 ТК РФ сверхурочная работа — это работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени: ежедневной работы (смены), а при суммированном учете рабочего времени — сверх нормального числа рабочих часов за учетный период. Привлечение работника к сверхурочной работе осуществляется распоряжением (приказом) работодателя (в зависимости от обстоятельств привлечения — с письменного согласия работника или без такового).

Указанный правовой институт имеет следующие характерные отличия.

Во-первых, работник по общему правилу может быть привлечен к сверхурочной работе только с его письменного согласия и с учетом мнения представительного органа работников. Исключения из данного правила, представляющие собой закрытый перечень, определены ч. 2 и 3 ст. 99 ТК РФ. Например, привлечение работодателем работника к сверхурочной работе без его согласия допускается в случае производства работ, необходимых для предотвра-

щения катастрофы, производственной аварии либо устранения последствий катастрофы, производственной аварии или стихийного бедствия.

Во-вторых, к сверхурочной работе могут быть привлечены работники, замещающие любые должности, однако с учетом установленных трудовым законодательством ограничений в части субъектного состава. В частности, не допускается привлечение к сверхурочной работе беременных женщин, работников в возрасте до 18 лет. Другие социально не защищенные категории (инвалиды, женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет) могут быть привлечены к сверхурочной работе только с их письменного согласия и при условии, если это не запрещено им по состоянию здоровья в соответствии с соответствующим медицинским заключением. При этом указанные лица должны быть под роспись ознакомлены со своим правом отказаться от сверхурочной работы.

В-третьих, трудовым законодательством ограничена продолжительность сверхурочной работы, которая не должна превышать для каждого работника 4 часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год.

В-четвертых, сверхурочная работа подлежит оплате исходя из размера заработной платы, установленного в соответствии с действующими у работодателя системами оплаты труда, включая компенсационные и стимулирующие выплаты, за первые два часа работы не менее чем в полуторном размере, за последующие часы — не менее чем в двойном размере (ч. 1 ст. 152 ТК РФ). По желанию работника сверхурочная работа вместо повышенной оплаты может компенсироваться предоставлением дополнительного времени отдыха, но не ме-

нее времени, отработанного сверхурочно.

В-пятых, наличие у работодателя обязанности обеспечить точный учет продолжительности сверхурочной работы каждого работника (ч. 7 ст. 99 ТК РФ), что обусловлено необходимостью соблюсти временные ограничения сверхурочной работы, а также гарантировать ее полную оплату.

Таким образом, институт сверхурочной работы для работодателя создает ряд дополнительных обязанностей, корреспондирующих соответствующим правам работников, а с учетом имеющихся ограничений его использования не является привлекательным с точки зрения имеющихся возможностей по использованию труда работников [3, стр. 20—21].

Соблюдение данных требований при нахождении работника в служебной командировке сопряжено с рядом трудностей.

Во-первых, график работы в организации, в которую командирован работник, может отличаться от графика работы командирующей организации (работодателя), что само по себе может привести к сверхурочной работе.

Во-вторых, работодатель зачастую не в силах предусмотреть заранее необходимость выполнения сверхурочной работы, которая может быть обусловлена различными обстоятельствами, что исключает возможность принятия им решения о привлечении работника к такой работе в установленном порядке. Необходимо отметить, что несоблюдение формальных требований не может являться основанием для отказа в предоставлении работнику предусмотренных трудовым законодательством гарантий. Так, согласно письму Минтруда России от 14 ноября 2013 г. № 14-2-195

отсутствие приказа работодателя о привлечении работника к сверхурочной работе при наличии устного распоряжения кого-либо из руководителей дает основание для признания такой работы сверхурочной.

В-третьих, обеспечение точного учета сверхурочной работы работодателем (командирующей организацией) в условиях служебной командировки сделать практически невозможно. Фактически подтверждение выполнения такой работы и ее продолжительности осуществляются организацией, в которую командирован работник, и это создает сложности во взаимодействии с командирующей организацией как с точки зрения обоснованности (необходимости) сверхурочной работы, так и документального оформления доказательств ее выполнения. При этом в случае, если работник по своей инициативе остается после работы, то такая работа, выполняемая по инициативе самого работника, сверхурочной не признается (письмо Роструда от 2 декабря 2009 г. № 3567-6-1).

Следствием указанных обстоятельств нередко является отказ работодателя признать факт выполнения работником сверхурочной работы и невозможность восстановления нарушенных прав такого работника даже в судебном порядке (апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 9 августа 2016 г. по делу № 33-15108/2016, определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2024 г. по делу № 8Г-25796/2024[88-27923/2024]).

Судебная практика вынуждена выработать отдельные подходы для решения конкретных проблем с дока-

званием факта выполнения сверхурочной работы. Например, выполнение сверхурочной работы водителями может подтверждаться путевыми листами (определение Судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2023 г. по делу № 8Г-5961/2023[88-6958/2023], определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 марта 2024 г. по делу № 8Г-3520/2024[88-5480/2024]).

В таких ситуациях, безусловно, наиболее актуальным вопросом является оплата сверхурочной работы. Хотя по общему правилу по желанию работника сверхурочная работа вместо повышенной оплаты может компенсироваться предоставлением дополнительного времени отдыха, но не менее времени, отработанного сверхурочно.

Установленные минимальные гарантии оплаты труда работникам в случае их привлечения к выполнению сверхурочной работы в отношении сверхурочной работы в период служебной командировки находят различное практическое применение, что обуславливается отсутствием правовой регламентации указанных отношений, а также существованием разнонаправлено развивающейся судебной практики.

Стоит указать, что ранее указанная проблематика находила свое нормативное решение. Так, в соответствии с п. 9 постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 9 мая 1927 г. «Об оплате командировок служащих и рабочих государственных и приравненных к ним предприятий и учреждений» (утратило силу) никакие дополнительные вознаграждения за работу в дни командировки (оплата сверх-

урочных работ или работ в дни отдыха и праздники) не выдавались. Вместе с тем п. 13 Инструкции НКТ РСФСР от 21 июля 1927 г. № 154 «По применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 9 мая 1927 г. об оплате командировок служащих и рабочих государственных и приравненных к ним предприятий и учреждений» предусматривал, что рабочие, командированные на работу в другую местность, при выполнении в месте командировки сверхурочных работ по распоряжению руководителя работ в месте командировки получают вознаграждение за сверхурочную работу на общих основаниях.

При этом необходимо указать, что привлечение в период служебной командировки работников, которым установлен ненормированный рабочий день (ст. 101 ТК РФ), к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени, не может быть квалифицировано в качестве сверхурочной работы и не подлежит оплате (см., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 25 марта 2015 г. по делу № 33-2382/2015).

Стоит указать, что в литературе этому дается справедливая оценка. «Институт ненормированного рабочего дня закреплён с прямым нарушением базовых принципов трудового права. В законе отсутствуют основания привлечения к такой работе, нет ограничения продолжительности. Формой компенсации вместо денежной оплаты установлен дополнительный отдых без связи с фактически отработанным временем. Некорректна легальная дефиниция ненормированного рабочего дня: категории «эпизодически» и «по необходимости» лишены содержания. Наличие

института оплачиваемой сверхурочной работы делает ненормированный рабочий день способом несправедливой эксплуатации работника» [2, стр. 108].

Можно выделить несколько существующих подходов к решению проблемы оплаты сверхурочной работы в служебной командировке.

1. Работник может быть привлечен к сверхурочной работе в период служебной командировки за рамками установленной для него в командировочной организации продолжительности рабочего времени. Сверхурочная работа подлежит оплате в размере, установленном ч. 1 ст. 152 ТК РФ, исходя из среднего заработка.

Сверхурочная работа является частным случаем выполнения работ в условиях, отклоняющихся от нормальных, и следовательно, должна быть оплачена в повышенном размере; работник, находясь в служебной командировке, получая заработную плату из средней заработной платы, при этом выполняя сверхурочные работы, не может получить заработную плату, начисленную из оклада, поскольку такой расчет ухудшает положение работника (см.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июля 2022 г. по делу № 8Г-14549/2022[88-15516/2022]).

2. Работник может быть привлечен к сверхурочной работе в период служебной командировки за рамками установленной для него в командировочной организации продолжительности рабочего времени. Сверхурочная работа подлежит оплате в размере, установленном ч. 1 ст. 152 ТК РФ, исходя из оклада (тарифной ставки), а также компенсационных и стимулирующих выплат. В случае если оплата труда работника включает и

доплату к окладу (тарифной ставке) до минимального размера оплаты труда, то такая доплата также подлежит учету при оплате сверхурочной работы (см.: определение Конституционного Суда РФ от 12 октября 2023 г. № 2711-О-Р).

Такой вывод может быть сделан путем применения по аналогии положений ст. 153 ТК РФ (Оплата труда в выходные и нерабочие праздничные дни), которая регулирует сходные отношения — работа в условиях, отклоняющихся от нормальных. Подобную возможность допустил Верховный Суд РФ в решении от 21 июня 2007 г. № ГКПИ07-516. Аналогичного подхода придерживается и Конституционный Суд РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. № 3198-О).

3. Сверхурочная работа в служебной командировке невозможна и оплате не подлежит. Данная позиция обусловлена спецификой правового регулирования служебной командировки, во время которой согласно ч. 1 ст. 166 ТК РФ работник выполняет не трудовую функцию, а служебное поручение, содержание которого трудовое законодательство не раскрывает, что дает основание для различного толкования [1; 4, стр. 52]. В то же время в отдельных случаях судебная практика придерживается точки зрения, в силу которой трудовое законодательство не предусматривает исчисление командировочного периода в часах; все время поездки по распоряжению работодателя относится к рабочему времени, в котором работник исполняет свои трудовые обязанности, в том числе связанные с командировкой (см., например: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 февраля 2024 г. № 88-46257/2023). За время

служебной командировки сохраняется средний заработок, а не производится оплата за фактически отработанное время (см., например: апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 7 ноября 2023 г. по делу № 33-40519/2023).

Это дает основания для вывода о том, что предусмотренная ч. 1 ст. 167 ТК РФ и п. 9 Положения гарантия сохранения среднего заработка за все дни (не часы) работы в служебной командировке по графику, установленному в командирующей организации, исключает возможность наличия сверхурочной работы, и соответственно, ее оплаты.

Несмотря на определенную обоснованность, данная позиция все же видится не подлежащей применению

ввиду ее явного несоответствия основным принципам трудового права.

Указанное разнообразие подходов не способствует определенности в трудовых отношениях и создает предпосылки как для нарушения трудовых прав работников, так и привлечения работодателя к административной ответственности (ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

В такой ситуации целесообразным решением работодателя является определение в соответствии с ч. 1 ст. 152 ТК РФ конкретных размеров оплаты сверхурочной работы в служебной командировке коллективным договором, соглашением, локальным нормативным актом или трудовым договором.

Источники

1. Белозерова, К. А. Правовая природа служебного поручения при командировании работника / К. А. Белозерова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2023. — № 3. — С. 85—93.
2. Демидов, Н. В. Трудовое право России: системные проблемы истории и современности / Н. В. Демидова // Журнал российского права. — 2015. — № 11. — С. 106—113.
3. Зайков, Д. Е. Ненормированный рабочий день: особенности правового регулирования и правоприменительной практики / Д. Е. Зайков // Гражданин и право. — 2019. — № 1. — С. 20—30.
4. Садеков, Д. В командировке сверхурочной работы не бывает / Д. Садеков // Вопросы трудового права. — 2012. — № 3. — С. 51—53.

References

1. Belozerova, K. A. Pravovaya priroda sluzhebnoy porucheniya pri komandirovaniy rabotnika [Legal nature of a service assignment when sending an employee on a business trip] / K. A. Belozerova // Elektronnoye prilozheniye k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu». — 2023. — № 3. — S. 85—93.
2. Demidov, N. V. Trudovoye pravo Rossii: sistemnyye problemy istorii i sovremennosti [Labor law of Russia: systemic problems of history and modernity] / N. V. Demidova // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — № 11. — S. 106—113.
3. Zaykov, D. Ye. Nenormirovannyy rabochiy den': osobennosti pravovogo regulirovaniya i pravoprinenitel'noy praktiki [Irregular working hours: features of legal regulation and law enforcement practice] / D. Ye. Zaykov // Grazhdanin i pravo. — 2019. — № 1. — S. 20—30.
4. Sadekov, D. V komandirovke sverkhurochnoy raboty ne byvayet [There is no overtime work on a business trip] / D. Sadekov // Voprosy trudo-vogo prava. — 2012. — № 3. — S. 51—53.

НАЛОГОВОЕ ПРАВО TAX LAW

Научная статья
УДК 338

Законодательные изменения в действующей налоговой системе

Шатская Ирина Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье проанализированы многочисленные изменения законодательного регулирования налоговой системы, зафиксированные в положениях Налогового кодекса Российской Федерации, касающиеся физических лиц, организаций, индивидуальных предпринимателей, а также участников налоговых правоотношений, применяющих специальные налоговые режимы. Масштабные изменения затронули многие аспекты налогообложения от ужесточения мер в системе налогообложения, в ряду которых: увеличение ставки налога на прибыль организаций; введение прогрессивной ставки налога на доходы физических лиц; расширение перечня подакцизных товаров; увеличение ставки в отношении дорогостоящей недвижимости и земельных участков; увеличение размеров госпошлин; взимание НДС на упрощенной системе налогообложения; ввод новых налогов, до аспектов налогообложения, которые выстроены с учетом интересов налогоплательщиков: введение федерального инвестиционного вычета; сокращение оснований для блокировки счетов; расширение круга участников налогового мониторинга; введение льгот по налогу на прибыль для определенных компаний и льгот для родителей с детьми; сокращение «нулевой отчетности» для индивидуальных предпринимателей; введение амнистии за дробление бизнеса. Сделан вывод: нововведения в налоговой системе позволят отвечать требованиям поставленных экономических задач государства, способствовать положительным изменениям в сфере предпринимательской деятельности, а также учесть интересы граждан.

Ключевые слова: налоговая система; налогообложение; налоги; системы налогообложения; налогоплательщики.

Legislative changes in the current tax system

Irina Iv. Shatskaya,

Candidate of Economic Sciences, associate professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has presented the analysis of numerous changes in the legislative regulation of the tax system, recorded in the provisions of the Tax Code of the Russian Federation, concerning individuals, organizations, individual entrepreneurs, as well as participants in tax legal relations applying special tax regimes. Large-scale changes have affected many aspects of taxation from strict measures in the taxation system, including increasing the corporate income tax rate; introducing a progressive personal income tax rate; expanding the list of excisable goods; increasing the rate for expensive real estate and land; increasing the amount of state duties; collecting VAT under a simplified taxation system; introducing new taxes, to such taxation aspects that take into account the interests of taxpayers as introducing a federal investment deduction; reducing the grounds for blocking accounts; expanding the range of participants in tax monitoring; introducing income tax benefits for certain companies and benefits for parents with children; reducing “zero reporting” for individual entrepreneurs; introducing an amnesty for business splitting. There has been concluded that the innovations in the tax system will allow meeting the requirements of the state economic objectives, promote positive changes in the entrepreneurship, and take into account citizens’ interests.

Keywords: tax system; taxation; taxes; taxation systems; taxpayers.

Для цитирования: Шатская И. И. Законодательные изменения современного развития налоговой системы // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 35—43.

© Шатская И. И., 2024

В 2025 г. в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ) внесен пакет многочисленных существенных налоговых изменений, определенных Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу

отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», которые затронули интересы всех налогоплательщиков: физических лиц, организации, индивидуальных предпринимателей, а также большую часть налогов, сборов, взносов, в частности: налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц (НДФЛ); налог на добавленную стоимость (НДС), налог на имущество

предприятий, земельный налог, налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), государственные пошлины и страховые взносы.

Кроме того изменения в сфере налогового законодательства в 2025 г. коснулись различных налоговых режимов, в частности, упрощенную систему налогообложения (УСН), автоматизированную упрощенную систему налогообложения (АУСН), единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), патентную систему, а также сферу деятельности индивидуальных предпринимателей.

Изменения, коснувшиеся налогов, госпошлин, страховых взносов

В 2025 г. установлена новая пятиступенчатая прогрессивная ставка *НДФЛ*. В состав прежних ставок налога 13% на доход до 5 млн руб. за налоговый период и 15% с суммы доходов, превышающих 5 млн руб. добавятся ставки:

— 18% на доход от 5 млн руб. до 20 млн руб.;

— 20% на доход от 20 млн руб. до 50 млн руб.;

— 22% на доход от 50 млн руб. (см. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ).

Налоговой базой для исчисления *НДФЛ* определены все доходы налогового резидента. В налоговую базу включены: зарплата по гражданским договорам; доходы от аренды, проценты по займам; выигрыши в лотереях и азартных играх; выручка индивидуальных предпринимателей на общей системе налогообложения; доходы по инвестиционному товариществу и прибыль контролируемых иностранных компаний.

Изменение ставки с 15% до 22% коснется незначительной части населения, т.е. налоговых резидентов РФ, чей годовой доход превышает 2,4 млн

руб. В этом случае налогоплательщик дополнительно платит процент от суммы превышения лимита, который зависит от дохода. Для большей части населения страны ставка *НДФЛ* останется прежней — 13% (по дивидендам, процентам с вкладов, продаже имущества, кроме ценных бумаг), чей годовой доход останется в пределах 2,4 млн руб. Также по-прежнему ставка *НДФЛ* в размере 35% будет применяться на выигрыши и призы, получаемые в конкурсах, играх и других мероприятиях, в части превышения 4 тыс. руб. (ст. 217 НК РФ).

Налоговые резиденты, сдавшие нормативы ГТО, в новом налоговом периоде начнут получать дополнительный налоговый вычет по *НДФЛ* в размере 18 тыс. руб., который необходимо подтвердить прохождением диспансеризации в том же календарном году, когда сданы нормы ГТО.

В новом налоговом периоде будут изменены размеры стандартных вычетов для тех работников, которые имеют детей. Так на второго ребенка предшествующая сумма 1400 руб. будет удвоена, на третьего и последующих детей составит до 6000 руб. вместо 3000 руб. На первого ребенка размер стандартного вычета на ребенка останется прежним — 1400 руб.

Вырастет предельный доход для предоставления вычетов на детей до суммы 450 тыс. руб. в год вместо 350 тыс. руб., действующий в 2024 г.

Для родителей, имеющих двух и более детей с учетом среднедушевого дохода, который составит сумму ниже 1,5 регионального прожиточного минимума по итогам года, предоставят возможность вернуть 7% уплаченного *НДФЛ*.

В текущем налоговом периоде *налог на прибыль организаций* вырастет

тет до 25% для всех организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих общую систему налогообложения, вместо ставки в 20%, применяющейся до 2025 г. на территории РФ. Распределение налога предусмотрено в следующем порядке: 8% будет зачисляться в федеральный бюджет, 17% в региональный бюджет до 2030 г.

Также изменения коснутся IT-компаний в области: увеличивается ставка с нулевого значения до 5% с зачислением в федеральный бюджет до 2030 г. включительно (см. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ).

В новом налоге периоде установлены дополнительные преференции для всех налогоплательщиков, которые начнут платить налог на прибыль по ставке 25%, в части предоставления возможности применять федеральный инвестиционный налоговый вычет (в дополнение к региональному) в отношении расходов на реконструкцию или модернизацию основных средств и нематериальных активов, кроме того позволят снизить налог на 50% от их стоимости. Размер инвестиционного налогового вычета ограничен, использовать его можно только в рамках 5% налоговой базы на прибыль в каждом квартале, оставшаяся сумма переходит на следующие периоды.

Региональный инвестиционный вычет, который применялся до 2025 г., станет бессрочным, изменив прежний статус временного (ст. 286.1 НК РФ).

Акцизы. С 2025 г. расширится перечень подакцизных товаров, который пополнят: фармацевтическая субстанция этилового спирта (исключение — лекарственные средства и препараты, для которых использует-

ся эта субстанция); никотиновое сырье; бестабачная никотинсодержащая смесь для нагревания, в том числе жидкости для вейпов и электронных сигарет; природный газ для производства аммиака.

Для медицинских учреждений, производителей и аптек, которые используют фармацевтическую субстанцию этилового спирта, устанавливается нулевая ставка акциза.

Предлагаемые меры позволят установить полноценный государственный контроль за производством и оборотом табака и никотинсодержащей продукции, тем самым обеспечив снижение объема нелегального рынка этой продукции и сокращение его потребления.

При этом компании — производители никотинсодержащей продукции, продавцы смесей и жидкостей для электронных сигарет смогут получить сырьевой вычет — возможность возврата акциза, который заплатили при покупке или ввозе сырья, использованного для производства.

Налог на недвижимость. С 2025 г. произойдут значительные изменения в налогообложении имущества, которые коснутся физических лиц и организаций. Нововведением станет новая методика расчета кадастровой стоимости объектов недвижимости. В методике начнут учитывать такие факторы, как рыночная стоимость, инфраструктура района, транспортная доступность и состояние объекта (см. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ), что позволит предотвратить появление завышенных оценок стоимости объектов и позволит снизить нагрузку на физических и юридических лиц, которые уже платят налог на основании кадастровой стоимости.

Также в новом налоговом периоде установлены предельные налоговые ставки для объектов капитального строительства, кадастровая стоимость которых более 300 млн руб. (см. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ).

Кроме того предусмотрено повышение предельных значений налоговых ставок по налогу на имущество для объектов капитального строительства с 2% до 2,5%.

Земельный налог. Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ установлены новые правила для расчета по земельным участкам с кадастровой стоимостью свыше 300 млн руб. Земельный налог для таких участков будет рассчитываться по ставке 1,5% вместо 0,3%. Повышенные ставки земельного налога будут применяться в отношении юридических и физических лиц. Так, к земельным участкам, которые куплены для индивидуально-жилищного строительства и одновременно с этим используются в предпринимательской деятельности необходимо применять ставку 1,5%.

Ставка земельного налога вырастет до 1,5% вместо ранее применяющихся 0,3% для земельных участков, которые приобретены для жилищного строительства, не используются в предпринимательской деятельности, приобретены для ведения личного подсобного хозяйства, а также в отношении земельных участков, имеющих статус участков общего назначения. Эти меры направлены на снижение социального неравенства и перераспределения доходов в обществе.

Туристический налог. Курортный сбор, действующий на территории РФ до 2025 г., станет новым налогом — туристическим. Платить туристический налог начнут компании и физи-

ческие лица, которые оказывают услуги в сфере гостиничного бизнеса и входят в специальный реестр. Ставка туристического налога в новом налоговом периоде составит 1% и будет повышаться на 1% ежегодно до 2029 г. Далее ставка туристического налога составит 5% от стоимости проживания в гостиницах.

Государственные пошлины. В новом налоговом периоде увеличатся пошлины, которые граждане и компании должны уплачивать при сделках с недвижимостью: за регистрацию прав, обременений, сделок и прочего.

С 2025 г. пошлина за государственную регистрацию прав и обременений недвижимости будет зависеть от кадастровой стоимости объекта. Так, для граждан пошлина составит 4 тыс. руб., если кадастровая стоимость не определена или не превышает 20 млн руб. В том случае, если кадастровая стоимость больше 20 млн руб., то госпошлина для граждан составит 0,02% кадастровой стоимости, но не менее 0,02% от цены сделки и не более 500 тыс. руб.

Для компаний пошлины за действия с недвижимостью возрастут и составят 44 тыс. руб., если кадастровая стоимость объекта не определена или не превышает 22 млн руб. В том случае, если кадастровая стоимость больше 22 млн руб., то госпошлина составит 0,2% кадастровой стоимости, но не менее 0,2% от цены сделки и не более 1 млн руб.

Такой же механизм расчета госпошлины разработан для машино-мест.

Предусмотрены изменения размеров госпошлины за регистрацию права на землю. Госпошлина за регистрацию права собственности на земельный участок для ведения личного подсобного хозяйства, огородни-

чества, садоводства, индивидуально-го гаражного или индивидуального жилищного строительства составит 700 руб. вместо 350 руб. Такую же сумму необходимо заплатить за регистрацию права собственности на строящийся или построенный на таком участке объект недвижимости.

Государственная пошлина за постановку на кадастровый учет новых объектов недвижимости без одновременной регистрации прав для граждан составит 2 тыс. руб., для компаний — 22 тыс. руб.

За одновременную постановку объекта на кадастровый учет и его регистрацию госпошлина будет рассчитываться в зависимости от кадастровой стоимости объекта недвижимости.

Государственная пошлина за внесение изменений в сведения об объекте недвижимости для граждан составит 1 тыс. руб., для компаний — 2 тыс. руб.

Также увеличится размер государственных пошлин за смену ФИО, расторжение брака.

В новом налоге периоде изменятся суммы *страховых взносов* для некоторых компаний малого и среднего бизнеса. Так, если у компании основным видом деятельности является обрабатывающее производство (исключения: металлургия, производство напитков, табачных изделий, кокса и нефтепродуктов, металлургическое производство), то такой компании разрешено применять пониженный тариф страховых взносов в размере 7,6% вместо 15% в части выплат физическому лицу, превышающей за каждый месяц величину МРОТ, при соблюдении следующего условия — доход от обработки сырья должен составлять минимум 70% от годового дохода.

С 2025 г. для участников малого и среднего бизнеса, которые платят страховые взносы по пониженному тарифу 15% с той части доходов работника за месяц, превышающей 1 МРОТ, произойдут изменения в части дохода работника за месяц и составят 1,5 МРОТ.

Изменения, коснувшиеся специальных налоговых режимов

Изменены пороговые значения для работы по УСН. Увеличен максимальный доход, при котором возможно использование УСН с 150 млн руб. до 200 млн руб. в год (ст. 346 НК РФ).

Кроме того отменены повышенные налоговые ставки 8% для УСН доходы и 20% для УСН доходы минус расходы. Стандартные ставки: 6% для УСН доходы и 15% для УСН доходы минус расходы, с правом их снижения в регионах будут по-прежнему применяться налогоплательщиками на УСН.

Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ предусмотрено, что применять УСН с нового налогового периода возможно только с соблюдения ряда условий:

— доходы за 9 месяцев 2024 г. не превысили 337,5 млн, за 2025 г. — 450 млн руб.;

— остаточная стоимость основных средств не выше 200 млн руб.;

— средняя численность работников за налоговый период — 130 человек.

Предельные значения доходов и остаточной стоимости основных средств разрешат индексировать каждый год на коэффициент-дефлятор.

Такое нововведение позволит большему числу предпринимателей оставаться на УСН, снизить административную нагрузку и избежать

сложностей, связанных с переходом на общую систему налогообложения.

Однако у налогоплательщиков на УСН появится обязанность платить НДС, но только в том случае, если годовой доход выше 60 млн руб. В том случае, если годовой доход ниже 60 млн руб., предоставляется освобождение от уплаты НДС. Аналогичный порядок ранее был введен для плательщиков ЕСХН.

При этом компаниям и индивидуальным предпринимателям предоставлено право выбора в отношении применения ставок НДС — базовой или пониженной. Так, налогоплательщики УСН с годовым доходом от 60 млн руб. до 250 млн руб. смогут платить НДС по ставке 5%, налогоплательщики УСН с годовым доходом от 250 млн руб. до 450 млн руб. по ставке 7%.

Однако при уплате НДС по ставкам 5% и 7% право на вычет входного НДС не предусмотрено. Вычет предусмотрен в том случае, когда компании и индивидуальные предприниматели, работающие на УСН, начнут применять режим исчисления НДС по базовым ставкам: 10% (при доходе от 60 до 250 млн руб.) и 20% (при доходе от 250 до 450 млн руб.), а также 0% для льготных категорий товаров.

Освобождение от уплаты НДС получили те компании, у которых годовая выручка меньше 60 млн руб., реализуют подакцизную продукцию, являются новыми индивидуальными предпринимателями, а также имеют статус участника проекта по осуществлению исследовательской и научно-технологической деятельности.

Кроме того, для тех предпринимателей, которые совмещают УСН с другими режимами налогообложения, вводится обязательное ведение раз-

дельного учета доходов и расходов по каждому виду деятельности (ст. 346 НК РФ). В этом случае налогоплательщики обязаны вести отдельный учет так, чтобы доходы и расходы относились строго к каждому налоговому режиму, что позволит повысить прозрачность расчетов и предотвратить злоупотребления.

С 2025 г. в НК РФ вносится поправка в *патентную систему налогообложения (ПСН)*, одна из которых — лимит по доходам за предшествующий год. С 2025 г. индивидуальных предпринимателей ограничивают в праве работать на патенте в том случае, если доходы за предшествующий год превысили 60 млн руб. с учетом доходов по всем видам деятельности, в отношении которых применяется ПСН или ПСН с УСН (ст. 346 НК РФ). Ранее для перехода на ПСН доходы предпринимателя не учитывались. Нововведение обяжет участников этой системы, получивших доход свыше 60 млн руб., начислять НДС к уплате при вынужденном переходе на УСН или ОСНО.

Кроме того до 2027 г. продлено право регионов вводить на своей территории налоговые каникулы для вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих ПСН, срок действия которой заканчивался в 2025 г. (см. ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ).

Изменения в системе *ЕСХН* затронули индивидуальных предпринимателей, освобожденных от уплаты НДС (ст. 145 НК РФ), но которые были обязаны выставлять счета-фактуры и регистрировать их в книге продаж. С нового налогового периода такой вид отчетности отменен (ст. 168 НК РФ), что положительно скажется на деятельности индивидуальных пред-

принимателей в цели сокращения документооборота.

Налоговый режим «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» (АСУН), введенный в виде эксперимента и доступный в четырех субъектах РФ: Москве, Московской области, Калужской области и Республике Татарстан, с нового налогового периода смогут вводить любые российские регионы. Условие применения АСУН — власти субъекта РФ должны принять соответствующий региональный закон.

Изменения, коснувшиеся индивидуальных предпринимателей

Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ предусматривает повышение суммы фиксированных взносов, увеличение верхнего порога для 1%-ного взноса, а также изменение сроков уплаты фиксированных взносов.

Сумму взносов индивидуальных предпринимателей в новом налоговом периоде установят в размере 53 658 руб. Суммы взносов на 2026—2027 гг. составят 57 390 руб. и 61 154 руб. соответственно.

Максимальные размеры порогового взноса с суммы, превышающей 300 тыс. руб., составят не более 300 888 руб. в 2025 г. и не более 321 818 руб. и не более 342 923 руб. в 2026—2027 гг. соответственно.

Выплачивать сумму фиксированных взносов в 2025 г. необходимо до 28 декабря. Срок уплаты дополнительного взноса с 1% суммы, превышающей установленный лимит годового дохода, не изменился. Частнопрактикующие лица должны платить авансы по НДФЛ 28-го числа календарного месяца.

Доход в целях 1%-ных взносов можно будет уменьшать на профессиональные вычеты по НДФЛ.

Изменения, коснувшиеся дробления бизнеса, порядка проведения налоговых проверок и расчета пеней для компаний за 2025 г.

Налоговая амнистия за дробление бизнеса. Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ введено понятие «дробление бизнеса» (искусственное разделение предпринимательской деятельности между «техническими компаниями»). Эту схему используют компании для применения специальных налоговых режимов, тем самым уменьшая налоговую нагрузку) и определены правила налоговой амнистии для тех, кто добровольно откажется от дробления бизнеса.

Амнистия, связанная с дроблением бизнеса, заключается в том, что если налогоплательщик добровольно откажется от дробления бизнеса в 2025—2026 гг., то таким налогоплательщикам простят суммы доначисленных налогов, пеней, штрафов. Также налогоплательщика не станут привлекать к уголовной ответственности.

Амнистия за дробление бизнеса не применяется, если в 2022—2024 гг. ФНС России не проводила проверок налогоплательщика или не обнаружила искусственного дробления или вынесла решение о дроблении бизнеса до 12 июля 2024 г. — до принятия Федерального закона от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ.

Изменения в порядке проведения налоговых проверок. Электронный документооборот станет обязательным при проведении налоговых проверок (ст. 88 НК РФ). При этом все документы, необходимые для проверки, должны быть предоставлены в электронном виде. Эти изменения направлены на повышение прозрачности налогового администрирова-

ния и снижение рисков для добросовестных налогоплательщиков.

Расчет пеней для компаний на 2025 г. В 2025 г. процентная ставка пеней за несвоевременную уплату налогов для компаний установлена в зависимости от количества дней просрочки уплаты налогов (ст. 75 НК РФ)

В том случае, если период просрочки по налоговым обязательствам составит до 30 календарных дней просрочки, то процентная ставка пени для компаний составит 1/300 ключевой ставки Банка России. Если период просрочки по налогам составит от 30 до 90 календарных дней просрочки включительно, то процентная ставка пени для компаний составит 1/150 ключевой ставки Банка России. По-

следняя ставка определена для периода свыше 90 календарных дней просрочки по налоговым обязательствам в размере 1/300 ключевой ставки Банка России (см. Федеральный закон от 29 октября 2024 г. № 362-ФЗ). Ранее ставка пеней по неуплате налогов не зависела от сроков просрочки и составляла 1/300 ключевой ставки Банка России.

Итак, законодательные изменения в системе налогообложения направлены на повышение прозрачности, справедливости, развитие бизнеса, стимулирование граждан, предпринимателей и на повышение эффективности налоговой системы в целом.

ТРАНСПОРТНОЕ ПРАВО TRANSPORT LAW

Научная статья
УДК 629.331

Обоснование юридического запрета ремонта элементов кузова и рамы автомобиля, влияющих на пассивную безопасность

Станкевич Дмитрий Владимирович,
Высшая инженерная школа,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Значительная доля автомобилей в Российской Федерации в процессе эксплуатации подвергаются различным видам ремонта. Большая часть ремонта кузовов и рам автомобиля осуществляются с нарушением технологий, которые применяет завод-изготовитель транспортного средства. Замена элементов кузова и рамы автомобиля заводского изготовления, рассчитанных обеспечивать выживаемость водителя и пассажиров при ДТП, на самодельные повышает риск нанесения более тяжкого вреда здоровью водителя и пассажиров при повторном ДТП. Параллельно с негативными техническими изменениями в конструкции транспортного средства существует проблема изменения идентификационных номеров кузовов и рам, что является нарушением закона и, как правило, проявляется в виде мошеннических схем при продаже транспортного средства на вторичном рынке. Эта проблема повышает нагрузку на правоохранительные органы, судебную систему и является одним из очагов психологического напряжения в обществе.

Ключевые слова: пассивная безопасность транспортного средства; кузов автомобиля; сварочные работы; безопасная эксплуатация транспортного средства; изменение конструкции транспортного средства; изменение идентификационных номеров.

Justification for the legal ban on repairing a vehicle body and frame parts that affect passive safety

Dmitry V. Stankevich,
Higher Engineering School,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. A significant proportion of vehicles in the Russian Federation undergo various types of repairing during operation. Most of vehicle bodies and frames' repairing is carried out in violation of the technologies used by the vehicle manufacturer. Replacing factory-made parts of the vehicle body and frame, designed to ensure the survival of a driver and passengers in an accident, with handmade ones increases the risk of causing more serious damage to a driver and passengers in a repeat accident. In parallel with negative technical changes in a vehicle design, there is a problem of changing the identification numbers of bodies and frames, which is a violation of the law and, as a rule, is itself a form of fraudulent schemes when selling a vehicle on the second-hand market. This problem increases the burden on law enforcement agencies, the judicial system and is one of the sources of psychological tension in society.

Keywords: passive safety of a vehicle; vehicle body; welding; safe vehicle operation; change of a vehicle design; change of identification numbers.

Для цитирования: Станкевич Д. В. Обоснование юридического запрета ремонта элементов кузова и рамы автомобиля, влияющих на пассивную безопасность // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 44—48.

© Станкевич Д. В., 2024

За все время существования автомобильного транспорта, точнее, с момента первой аварии с участием транспортного средства люди стали задумываться о безопасном и комфортном передвижении на автомобиле. Шло время, менялись технические характеристики двигателей и очертание кузовов, но параллельно с этим расширялась инженерная мысль о повышении безопасности человека при поездке на транспортном средстве. На сегодняшний момент развития автомобильного транспорта существуют неоспоримые жесткие требования к конструкции транспортного средства, в том числе к кузову и рамам транспортных средств.

Кузов автомобиля — это несущая конструкция, которая состоит из множества элементов сложной формы и способов их крепления. Силовая установка, трансмиссия, ходовая часть крепятся к кузову. В современных реалиях жизни кузов автомобиля

должен быть не только креплением узлов и агрегатов, но и нести в своей конструкции защиту водителя и пассажиров в случае возникновения ДТП. Данная возможность конструкции кузова автомобиля называется «пассивной безопасностью». Каждый современный автомобиль имеет средства защиты для минимизации последствий ДТП — это ремни, подголовники сидений, подушки безопасности и деформируемые зоны элементов кузова. Для сохранения жизни и здоровья водителя и пассажиров в случае ДТП скорость, с которой они будут смещаться вперед, необходимо плавно уменьшить. При этом следует обеспечить внутри салона автомобиля оптимальное жизненное пространство.

И вот эта непростая задача предъявляет к конструкции кузова транспортного средства взаимоисключающие требования. Одни элементы конструкции должны быть жесткими,

которые применяются в зоне обитания людей внутри кузова. Такие элементы деформируются в последнюю очередь при возникновении ДТП. А другие элементы несут в себе конструктивную особенность деформироваться в первую очередь, принимая на себя максимально негативные последствия удара при ДТП.

Моторный отсек и багажное отделение — это зоны запрограммированной деформации. При этом не малую проблему при возникновении лобового столкновения представляет двигатель. Поэтому при фронтальном ударе для исключения возможности перемещения двигателя в салон автомобиля его опоры и моторный щит сконструированы так, чтобы силовая установка перемещалась как можно ниже, не причиняя вреда людям, находящимся в салоне.

Не меньшую опасность несет удар автомобиля в заднюю часть. При его возникновении существует опасность повреждения шейного отдела позвоночника человека. Безусловно, первую роль в защите от такой травмы играют подголовники сидений и ремни безопасности, но также в этом процессе участвуют деформирующиеся элементы кузова.

Следовательно, если заменить элементы кузова автомобиля на схожие по геометрическим размерам, но не обладающие свойствами пассивной безопасности, то вероятность получения более тяжелых последствий для здоровья водителя и пассажиров от повторного ДТП повышается.

На практике автомобили после ДТП со значительными повреждениями восстанавливают в мастерских любыми доступными способами. Технический регламент не устанавливает запрета на восстановление основных деталей, узлов и агрегатов

транспортного средства [постановление Правительства РФ от 6 апреля 2019 г. № 413 «Об утверждении Правил внесения изменений в конструкцию находящихся в эксплуатации колесных транспортных средств и осуществления последующей проверки выполнения требований технического регламента Таможенного союза “О безопасности колесных транспортных средств”»]. Часто такими способами ремонтируют «тотальные» транспортные средства после ДТП и признанные страховыми компаниями не подлежащими восстановлению. После этого такие автомобили продают на аукционах. Новые собственники ремонтируют такое транспортное средство, восстанавливая только утраченную геометрическую форму и придавая привлекательный внешний вид. Далее автомобиль отправляется на вторичный рынок. Определить, насколько были серьезными повреждения и качество ремонта, могут только эксперты. Такой ремонт всегда предполагает сварочные работы [1], а это нарушает прочностные характеристики металлических элементов, из которых собирают восстановленный автомобиль. Деформации, возникающие при сварке металла, влекут изменение формы свариваемой конструкции из-за внутренней силы (напряжения), а также изменение структуры материала. Один вид деформации проявляется непосредственно в момент проведения сварочных работ, меняя параметры изделия. Одновременно происходят процессы воздействия высоких температур и охлаждения, а также изменения кристаллической решетки. Другие виды деформации появляются позже, в виде коррозии металла и разрушения сварочного соединения.

Зачастую используют элементы не заводского изготовления. Их вырезают и придают необходимую форму из любого листового металла, который имеется в наличии, не обращая внимания на толщину и жесткость заготовки. В основном используется листовая металл большей толщины, чем изначально применял завод-изготовитель (рис.). И как следствие такого вмешательства в конструкцию кузова автомобиля — потеря жизненно важных свойств пассивной безопасности.

Рис. Применение самодельного элемента и нарушение технологии сварочных работ при ремонте кузова [<https://dr1ver.ru/17194-chto-takoe-lonzheron.html>]

Но если использовались элементы несущей конструкции кузова заводского изготовления, то полностью соблюсти заводскую технологию сварочных работ зачастую не представляется возможным в условиях автомастерских. Имеет место и правовой аспект, могут быть использованы элементы кузова от транспортных средств, находящихся в розыске.

Последствия от ремонта кузова в большинстве случаев влекут невозможность регулировки углов установки управляемых колес. Это отрицательно сказывается на активной безопасности транспортного сред-

ства в части управляемости и устойчивости [2].

Действия при выявлении изменений в конструкции транспортных средств, зарегистрированных в ГИБДД МВД России, были прописаны в Приложении № 2 к приказу МВД России от 7 декабря 2000 г. № 1240 [в настоящее время утратил силу]. Согласно этому документу при внесении изменений в конструкцию транспортного средства необходимо было прохождение дополнительных исследований и испытаний в ФГУП «НАМИ» [<https://nami.ru/>] или в других организациях, которые имеют право проводить подобные исследования. После получения результата принимается решение о разрешении или запрете на эксплуатацию транспортного средства с изменениями в конструкции. Однако если частное лицо обратилось за подобной услугой для внесения изменений в конструкцию кузова автомобиля, не проводится главное и наиболее точное исследование — «краш-тест» — умышленное воспроизведение от слабых до сильных столкновений с целью выяснения уровня повреждений [3].

В 2023 г. были внесены изменения в Перечень неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств [постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения»], в том числе в п. 5.7, а именно запрещено ремонтировать диски и ободья колес сваркой металлов.

Целесообразно установить полный запрет на внесение изменений в конструкцию кузовов и рам транспортных средств, поскольку это отрицательно сказывается на безопасности жизни и здоровья людей, передвигающихся в автомобилях с измененными

ми характеристиками пассивной безопасности. Альтернатива ремонту —

это замена на новый кузов или раму транспортного средства.

Источники

1. Особенности сварочных работ при ремонте элементов кузова автомобилей / Д. В. Иванов, Е. Д. Калинин, М. Г. Корчажкин, А. Н. Архипов; Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева // https://transport-systems.ru/images/2022/2022_01_002.pdf
2. Влияние углов установки колес на управляемость автомобиля / Ю. А. Гасс, Д. В. Лопатин // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета // <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/35331/1/238-240.pdf>
3. Анализ показателей конструктивной безопасности транспортных средств / И. А. Новиков, Е. А. Новописный, Е. А. Ковалева; БГТУ им. В. Г. Шухова <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pokazateley-konstruktivnoy-bezopasnosti-transportnyh-sredstv/viewer>.

References

1. Osobennosti svarochnykh rabot pri remonte elementov kuzova avtomobiley [Features of welding works during repair of car body elements] / D. V. Ivanov, Ye. D. Kalinin, M. G. Korchazhkin, A. N. Arkhipov; Nizhegorodskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet im. R. Ye. Alekseyeva // https://transport-systems.ru/images/2022/2022_01_002.pdf
2. Vliyaniye uglov ustanovki koles na upravlyayemost' avtomobilya [Influence of wheel alignment angles on car handling] / YU. A. Gass, D. V. Lopatin // Elektronnyy sbornik trudov molodykh spetsialistov Polotskogo gosudarstvennogo universiteta // <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/35331/1/238-240.pdf>
3. Analiz pokazateley konstruktivnoy bezopasnosti transportnykh sredstv [Analysis of indicators of structural safety of vehicles] / I. A. Novikov, Ye. A. Novopisnyy, Ye. A. Kovaleva; BGTU im. V. G. Shukhova <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pokazateley-konstruktivnoy-bezopasnosti-transportnyh-sredstv/viewer>

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО INFORMATION LAW

Научная статья
УДК 347.45

Сущность информационной технологии как правового явления

Максуров Алексей Анатольевич,

кандидат юридических наук,

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,

Ярославль, Россия

Аннотация. В юридической доктрине сегодня бытует понимание информационных технологий исключительно как объекта гражданско-правового регулирования и объекта защиты в рамках информационного права. При этом легальное определение категории «информационные технологии» также предложено только лишь гражданским законодательством. Настоящее исследование представляет собой анализ теоретических проблем современной юриспруденции в части особенностей понимания информационной технологии в теории государства и права. В работе предложена характеристика основных подходов к пониманию информационной технологии как правового явления, показаны возможные взаимосвязи информационной технологии и опосредуемой ею юридической деятельности. Сделан вывод о необходимости широкого понимания правовых свойств категории «информационная технология», в связи с чем выделены ранее не указанные в науке имманентные свойства данного правового явления. По результатам исследования уточнено понятие категории «информационная технология» как разновидности технологии управленческо-социальной, призванной решать широкий спектр правовых задач.

Ключевые слова: информационная технология; социальная технология; управленческая технология; юридическая техника; юридическая тактика; технологический подход в праве.

The essence of information technology as a legal phenomenon

Aleksey An. Maksurov,

Candidate of Law,

P. G. Demidov Yaroslavl State University,

Yaroslavl, Russia

Abstract. In the legal doctrine today, there is an understanding of information technology exclusively as an object of civil-law regulation and an object of protection within the framework of information law. At the same time, the legal definition of the category “information technology” is also proposed only by civil legislation. The current paper has presented the analysis of the theoretical problems of modern jurisprudence in terms of the peculiarities of understanding information technology in the theory of state and law. There has been offered a description of the main approaches to understanding information technology as a legal phenomenon and showed possible correlation between information technology and its legal activity. There has been concluded about the necessity for a broad understanding of the legal properties of the category “information technology”, in connection with which there have been determined immanent properties of this legal phenomenon previously not specified in science. Based on the study results there has been clarified the concept of the category “information technology” as a type of management and social technology designed to solve a wide range of legal problems.

Keywords: information technology; social technology; management technology; legal technique; legal tactics; technological approach in law.

Для цитирования: Максуров А. А. Сущность информационной технологии как правового явления // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 49—57.

© Максуров А. А., 2024

Усилившаяся в XXI в. экономическая глобализация неизбежно повлекла за собой аналогичные политические, социальные, культурные и иные, в том числе правовые, аспекты. Одновременно с конца XX в. мы наблюдаем перемены в самом общественно-цивилизационном формате жизни человечества: очевидно, например, что человечество переходит от постиндустриальной организации общества к обществу информационному. Налицо значимый технологический процесс, особенно ярко проявившийся в развитии глобальной информационной сети «Интернет».

Обслуживать возросшие потребности в получении информации и обмене ею призваны информационные

технологии, которые сегодня в праве (законодательстве и доктрине) выступают в двух основных формах: объекте правового регулирования, права на который и связанные с которым обязанности определены нормами гражданского права, и объекте защиты, относящейся, в первую очередь, к компетенции информационного права, но опосредованной и другими отраслями российской правовой системы (административным, уголовным правом и т.п.).

Между тем с точки зрения теории права понятие информационной технологии значительно шире, что вызвано особыми свойствами и характеристиками данного явления. Представляется, что установление наиболее широкого понимания категории

«информационная технология» как правового явления будет в дальнейшем способствовать совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики во всех сферах общественной жизни, в связи с чем имеет важное теоретическое и практическое значение.

Очевидно, что в основе понятия «информационная технология» лежат два наиболее значимых фактора: информационный и технологический, причем превалирует определенно фактор информационный, а технология лишь опосредует действия лица по сбору, хранению, передаче, реализации информации.

Информация сегодня — одна из наибольших человеческих ценностей. Между тем информация не может быть «вещью в себе»; она служит практическим целям человеческого общежития, поэтому ее качество, возможность ее эффективного и оптимального использования выходят сегодня на первый план в удовлетворении конкретных потребностей индивидов и их коллективов, государства и общества.

По этим причинам информация в своей реализации, опосредованной нормами права, выступает не только в статическом виде (в форме сведений, объединенных в информационные ресурсы и системы), но и в динамическом образе, в виде информационной технологии.

Информационная технология — относительно новое явление как для российской, так и для международной правовой системы. До настоящего времени не исследованы ее существенные признаки, не установлены подлежащие отражению в законе дефиниции, не определены виды информационных технологий. Имеется

значительная проблематика их использования и защиты, передачи прав на информационную технологию.

Соответственно, данные проблемы требуют обстоятельного научного анализа методами юридической науки.

Может показаться удивительным, но в отечественной юридической литературе отсутствуют современные фундаментальные исследования информационной технологии именно как юридической категории.

Безусловно, имеются отдельные работы ученых-юристов по указанному вопросу, хотя их нельзя назвать концептуальными, и зачастую они сводятся либо к рассмотрению отдельных узких вопросов указанной проблематики (например, вопросов имплементации международных норм, соотношения свойств и качеств информационной технологии, проблем эффективности использования отдельных информационных технологий и т.п.), либо посвящены обзору юридической литературы по данному вопросу и представляют, по сути, научный доктринальный комментарий законодательства в указанной области.

Вообще, вопрос об «информационной технологии» как объекте права отнюдь не является бесспорным, как и вопрос об информационной технологии в целом. В современной литературе идут «жаркие» дискуссии относительно того, что представляют собой информационная техника и информационная технология [1, стр. 13], причем в ряде случаев нет даже единства в определении понятия [19, стр. 11], хотя отдельные успешные попытки такого рода и сделаны применительно к отдельным разновидностям опосредованных правом информацион-

ных технологий [21, стр. 294], несмотря на то что и представление о технологиях в праве различно.

Причина указанному в том, что в мире нет общепринятого определения понятия «технология» — слишком многогранное и многоликое это явление, что вызывает сегодня многообразие мнений по вопросу определения информационной технологии в доктрине.

Так, Е. И. Боброва пишет: «В широком значении информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — это использование вычислительной техники и телекоммуникационных средств для реализации информационных процессов с целью оперативной и эффективной работы с информацией на законных основаниях. В производственном аспекте ИКТ — это совокупность технологических процессов, реализованных на базе программно-технических средств, информационных и кадровых ресурсов, интегрированных для поиска, сбора, создания, обработки, хранения, распространения информации и предоставления продуктов и услуг для удовлетворения информационных потребностей» [3, стр. 12]. Согласно определению ЮНЕСКО информационная технология — это комплекс взаимосвязанных, научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительную технику и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы (технические, кибернетические, интеллектуальные)» [6, стр. 45].

Ю. Л. Дяблова считает, что «под информационными технологиями следует понимать систему научных положений и основанных на них рекомендаций по практическому использованию технических средств в процессе целенаправленной деятельности по поиску, сбору, хранению, обработке, предоставлению и распространению информации для повышения эффективности данной деятельности», подчеркнув, что предварительное расследование и доказывание представляют собой процессы, на различных этапах которых могут быть реализованы информационные технологии [7, стр. 136]. Не едины в своем мнении и составители словарей, энциклопедий, другой справочной литературы по теории информации [16, стр. 90]. О. А. Городов указывает, что информационная технология — это «процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, накопления, обработки и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления (информационного продукта)» [4, стр. 5].

Очевидно, что многие дефиниции носят слишком абстрактный, общий характер, не позволяя выделить существенные признаки и элементы предмета исследования. Почти все авторы сходятся во мнении, что информационная технология — это процесс активной информационной деятельности компетентных субъектов, содержание которого составляет целесообразное изменение и преобразование разнообразных сфер жизнедеятельности общества с помощью информационных средств и методов, имеющих правовое значение. В дефинициях не решен вопрос с определением результатов, которые необхо-

димо получить от технологии как сознательной и целенаправленной деятельности. Информационная технология тесно связана с информационной техникой, при этом подавляющее большинство авторов используют эти слова в качестве синонимов, т.е. отождествляют два относительно самостоятельных феномена, хотя их взаимосвязь следует рассматривать через категории «часть» и «целое», где техника является одной из частей технологии. Информационная технология, как и любая технология, имеет сложные структурные и функциональные элементы и связи, что обусловлено, с одной стороны, ее влиянием на все сферы жизнедеятельности в правовом пространстве общества, а с другой — сама технология частично формализована в действующих правовых актах. Информационная технология осуществляется в конкретно-исторических (политических, экономических, религиозных, юридических, социальных, культурных, технических и др.) условиях развития общества. Последние выступают в качестве детерминирующих ее (технология) факторов. Из этих методологически верных установок представляется необходимым исходить в дальнейшем исследовании.

Прежде всего, по всей видимости, информационную технологию следует считать полноценной разновидностью социальной технологии.

В основе информационной технологии лежит субъектно-объектные правоотношения. Если субъекты всегда более-менее формально определены, то совсем другое дело в части определенности состоит в объекте указанных правоотношений. Изначально, объект — это то, на что направлена юридическая активность сторон (субъектов) правоотношения,

то благо (либо антиблаго), по поводу которого и возникают соответствующие правовые отношения. В данном случае критерием для выделения правоотношений по поводу информации будет критерий объекта правоотношения, т.е. информация, правоотношения в информационной сфере вообще не характеризуются каким-либо еще признаком, кроме того, что они возникают в связи и по поводу информации.

И. Л. Бачило в связи с этим отмечает, что информация вообще является объектом, который порождает общественные информационные отношения [2, стр. 70]. Иными словами, без информации сами информационные правоотношения не могут существовать во внешнем мире.

Информация уже давно рассматривается как ресурс для самых различных видов социальной деятельности, в числе которых и государственное управление. Для характеристики роли информации в государственном управлении следует обратить внимание на то, что она одновременно выступает в нескольких качествах. С одной стороны, информация необходима для осуществления качественного управления любой сферой общественной жизни, т.е. она является особым ресурсом государственного управления. С другой стороны, деятельность в сфере информации, как и любой другой социальной процесс, является объектом государственного управления и существует установленный законодательством круг субъектов, которые это управление осуществляют. Кроме того, многие ученые отмечают, что правовые акты и иные решения, принимаемые органами власти, являются информацией особого вида, т.е. процесс управления понимается как частично или полно-

стью информационный [20, стр. 198], а информация оценивается как результат деятельности органов власти. И наконец, в настоящее время в ряде исследований выделяется информация как средство управляющего воздействия на социальный процесс [11, стр. 13]. Будучи особым ресурсом государственного управления, информация одновременно является и его объектом, результатом и даже средством управления, выполняя важнейшие функции: идеологическую, воспитательную, превентивную, коммуникативную, культурную. Все это позволяет отдельным авторам наглядно обосновывать тезис о комплексности информационного права [10, стр. 221].

Становясь частью юридической деятельности (практики), информационная технология приобретает в праве и соответствующие правовые черты.

Прежде всего, информационная технология опосредует информационную структуру той или иной разновидности юридической практики, выполняя некоторые функции, как присущие праву (например, ориентационную), так и мало свойственные для правовых институтов (функция хранения информации), причем сама информационная технология становится основой реализации не только информационной функции (в лице ее разновидностей), но и иных функций права [17, стр. 32].

Информационная технология в связи с этим противопоставляется юридической тактике [8, стр. 50], однако ее соотношение с обычно выделяемыми разновидностями юридической технологии различно. В одном случае можно говорить о фактическом совпадении информационной и юридической технологии, где ин-

формационная составляющая включена в систему компонентов юридической практики [5, стр. 190]. В другом случае информационная технология опосредует отдельные отношения в рамках юридической деятельности, а соответствующая юридическая технология будет по отношению к ней комплексной технологией [18, стр. 31]. В третьем случае речь можно вести лишь об информационной структуре юридической технологии, а вне последней информационная компонента теряет свои правовые свойства [14, стр. 19].

В юридической литературе отмечается, что информационная технология опосредует лишь согласованную деятельность субъектов отношений [12, стр. 89]. Как и некоторые другие разновидности юридической технологии, информационная технология обычно связана с процессуальными (процедурными) аспектами той или иной юридической деятельности [13, стр. 76], хотя она и не всегда выражается во внешних правовых актах в отличие от большинства иных разновидностей юридических технологий [9, стр. 54].

Информационная технология, выступая в качестве технологии юридической, должна реализовываться в соответствии с принципами, определенными для той или иной разновидности юридической деятельности, что и наблюдается на практике [22, стр. 59].

Также в науке отмечается, что информационная технология служит значимой составляющей тех «неосновных» (в конкретной правовой ситуации) разновидностей юридической деятельности, которые служат фактором повышения эффективности иных видов юридической практики [15, стр. 64].

Наконец, нельзя не отметить тесную связь информационной технологии с личностным фактором, оказывающим влияние на результативность любой юридической деятельности [23, стр. 89].

Таким образом, в результате исследования можно прийти к выводу о том, что в научной доктрине присутствует множество определений категорий «технология» вообще и «информационная технология» в частности, однако единства мнений в литературе на этот счет нет. Указанное связано с многогранностью данного явления, а также тем простительным обстоятельством, что каждый из авторов выделяет тот или иной особый аспект технологии в праве, который позиционируется им как сущностный, имманентно присущий данному явлению.

Информационная технология — сложносоставное понятие. В ней пересекаются три аспекта: технический, социальный и юридический.

Прежде всего, информационная технология как — это особая технология (система) работы с информацией, «ядром» которой выступает информация (сведения о чем-либо или данные независимо от формы), объединенная в информационный ресурс.

Между тем не любая система работы с информацией может рассматриваться как объект права. По нашему мнению, чтобы быть признанной таковой, информационная технология должна быть социально значимой (с точки зрения государственной или национальной безопасности, коммерчески значимой в силу недоступности третьим лицам и проч.).

Наконец, именно такого рода ее социальная значимость и оригинальность как средство отграничения от смежных технологий приводит к необходимости создания юридических средств и способов ее признания и защиты.

Следовательно, информационная технология — это совокупность технических средств работы с информацией (поиск, сбор, хранение, обработка, предоставление, распространение информации как процессы и, одновременно, как способы осуществления таких процессов), которая в силу своей оригинальности (позволяющей отграничить ее от смежных технологий) и (или) социальной (государственной, коммерческой, персонально-личной и т.п.) значимости ввиду прямого указания на то закона подлежит признанию и правовой защите в числе иных исключительных прав.

Источники

1. Баранов, В. М. Предисловие / В. М. Баранов // Проблемы юридической техники : сборник статей / под редакцией В. М. Баранова. — Нижний Новгород, 2000.
2. Бачило, И. Л. Компьютерное право. Методология и практика / И. Л. Бачило // Безопасность информационных технологий. — 1997. — Выпуск 2. — С. 70—78.
3. Боброва, Е. И. Информационно-коммуникационные технологии в деятельности библиотеки вуза : дис. ... канд. пед. наук / Е. И. Боброва. — Кемерово, 2007.
4. Городов, О. А. Правовая охрана и использование единых технологий, созданных за счет или с привлечением бюджетных средств : монография / О. А. Городов. — Москва : Волтерс Клувер, 2010.
5. Гражданское исполнительное право : учебник / под редакцией А. А. Власова. — Москва : Экзамен 21. 2004.
6. Дозорцев, В. А. Вопросы информации в Гражданском кодексе Российской Федерации / В. А. Дозорцев // Научно-техническая информация. Серия 1. — 1998. — № 3. — С. 45—52.

7. Дяблова, Ю. Л. О гносеологической сущности информационных технологий / Ю. Л. Дяблова // Воронежские криминалистические чтения : сборник научных трудов. Выпуск 9 / под редакцией О. Я. Баева. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008.
8. Карташов, В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В. Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. — Тамбов, 2011.
9. Кивленок, Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т. В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции : Сборник научных трудов. — Владимир : ВГПУ, 2002. — Выпуск 3.
10. Ковалева, Н. Н. Информационное право России : учебное пособие / Н. Н. Ковалева — Москва : Дашков и К, 2007.
11. Кульба, В. В. Введение в информационное управление : учебно-методическое издание / В. В. Кульба, В. Д. Малюгин, А. Н. Шубин, М. А. Вус. — Санкт-Петербург : Питер, 1999.
12. Макаров, И. И. Координация в праве / И. И. Макаров. — Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012.
13. Максуров, А. А. Процедурность (процессуальность) как основное свойство правовых отношений в сфере реализации координационной юридической технологии / А. А. Максуров // Вестник Юридического института МИИТ. — 2015. — № 3 (11). — С. 76—78.
14. Максуров, А. А. Технология принудительного исполнения актов юрисдикционных органов / А. А. Максуров. — Москва : ЭкООнис, 2014.
15. Постнов, А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А. С. Постнов // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26—27 ноября 2004 г.). — Выпуск 6. Часть 1. — 2005. — С. 64—67.
16. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — Москва : Наука, 2007.
17. Таланова, М. В. К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики / М. В. Таланова // Современное право. — 2012. — № 10. — С. 32—39.
18. Таланова, М. В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур / М. В. Таланова — Москва : ЭкООнис, 2013.
19. Тихомиров, Ю. А. О правилах законодательной техники / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. — 1999. — № 11. — С. 10—17.
20. Тихомиров, Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров — Москва : Статут, 1995.
21. Чевычелов, В. В. Юридическая конструкция в современном российском праве (проблемы теории и практики) / В. В. Чевычелов. — Нижний Новгород : Лань, 2007.
22. Фролов, С. Е. Принципы координационной деятельности / С. Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. — Владимир, 2002.
23. Чернецов, В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В. Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. — Москва : РГГУ, 2007.

References

1. Baranov, V. M. Predisloviye [Preface] / V. M. Baranov // Problemy yuridicheskoy tekhniki [Problems of legal technology]: sbornik statey / pod redaktsiyey V. M. Baranova. — Nizhniy Novgorod, 2000.
2. Bachilo, I. L. Komp'yuternoye pravo. Metodologiya i praktika [Computer law. Methodology and practice] / I. L. Bachilo // Bezopas-nost' informatsionnykh tekhnologiy. — 1997. — Vypusk 2. — S. 70—78.
3. Bobrova, Ye. I. Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v deyatel'nosti biblio-teki vuza [Information and communication technologies in the activities of a university library]: dis. ... kand. ped. nauk / Ye. I. Bobrova. — Kemerovo, 2007.
4. Gorodov, O. A. Pravovaya okhrana i ispol'zovaniye yedinykh tekhnologiy, sozdannykh za schet ili s privilecheniyem byudzhetykh sredstv [Legal protection and use of unified technologies created at the expense of or with the involvement of budgetary funds]: monografiya / O. A. Gorodov. — Moskva : Volters Kluver, 2010.

5. Grazhdanskoye ispolnitel'noye pravo [Civil enforcement law]: uchebnyk / pod redaktsiyey A. A. Vlasova. — Moskva : Ekzamen 21. 2004.
6. Dozortsev, V. A. Voprosy informatsii v Grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Information issues in the Civil Code of the Russian Federation] / V. A. Dozortsev // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. — 1998. — № 3. — S. 45–52.
7. Dyablova, YU. L. O gnoseologicheskoy sushchnosti informatsionnykh tekhnologiy [On the epistemological essence of information technology] / YU. L. Dyablova // Voronezhskiy kriminalisticheskii chteniya : sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 9 / pod redaktsiyey O. YA. Bayeva. — Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2008.
8. Kartashov, V. N. K voprosu o ponyatii koordinatsionnoy yuridicheskoy taktiki [On the concept of coordination legal tactics] / V. N. Kartashov // Razvitiye molodezhnoy yuridicheskoy nauki v sovremennom mire : sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii 15 maya 2011 goda. — Tambov, 2011.
9. Kivlenok, T. V. Pravovoy akt kak vneshnyaya forma koordinatsionnoy deyatel'nosti [Legal act as an external form of coordination activity] / T. V. Kivlenok // Aktual'nyye problemy yurisprudentsii : Sbornik nauchnykh trudov. — Vladimirov : VGPU, 2002. — Vypusk 3.
10. Kovaleva, N. N. Informatsionnoye pravo Rossii [Information law of Russia]: uchebnoye posobiye / N. N. Kovaleva — Moskva : Dashkov i K, 2007.
11. Kul'ba, V. V. Vvedeniye v informatsionnoye upravleniye [Introduction to information management]: uchebno-metodicheskoye izdaniye / V. V. Kul'ba, V. D. Malyugin, A. N. Shubin, M. A. Vus. — Sankt-Peterburg : Piter, 1999.
12. Makarov, I. I. Koordinatsiya v prave [Coordination in law] / I. I. Makarov. — Yaroslavl' : YAF MFYUA, 2012.
13. Maksurov, A. A. Protsedurnost' (protsessual'nost') kak osnovnoye svoystvo pravovykh otnosheniy v sfere realizatsii koordinatsionnoy yuridicheskoy tekhnologii [Procedurality as the main property of legal relations in the sphere of implementation of coordination legal technology] / A. A. Maksurov // Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT. — 2015. — № 3 (11). — S. 76–78.
14. Maksurov, A. A. Tekhnologiya prinuditel'nogo ispolneniya aktov yurisdiktsionnykh organov [Technology of compulsory execution of acts of jurisdictional bodies] / A. A. Maksurov. — Moskva : EkOOnis, 2014.
15. Postnov, A. S. Kontrol' i nadzor kak faktory povysheniya effektivnosti koordinatsionnoy praktiki [Control and supervision as factors in increasing the efficiency of coordination practice] / A. S. Postnov // Rossiyskoye pravo v period sotsial'nykh reform. Materialy konferentsii studentov, aspirantov, soiskateley i molodykh uchenykh-yuristov (g. Nizhniy Novgorod, 26–27 noyabrya 2004 g.). — Vypusk 6. Chast' 1. — 2005. — S. 64–67.
16. Rayzberg, B. A. Sovremennyy ekonomicheskii slovar' [Modern economic dictionary] / B. A. Rayzberg, L. SH. Lozovskiy, Ye. B. Starodubtseva. — Moskva : Nauka, 2007.
17. Talanova, M. V. K voprosu o klassifikatsii funktsiy mediativnoy yuridicheskoy praktiki [On the issue of classification of functions of mediation legal practice] / M. V. Talanova // Sovremennoye pravo. — 2012. — № 10. — S. 32–39.
18. Talanova, M. V. Mediatsiya v prave: yuridicheskaya tekhnologiya mediativnykh protsedur [Mediation in law: legal technology of mediation procedures] / M. V. Talanova — Moskva : EkOOnis, 2013.
19. Tikhomirov, YU. A. O pravilakh zakonodatel'noy tekhniki [On the rules of legislative technology] / YU. A. Tikhomirov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 1999. — № 11. — S. 10–17.
20. Tikhomirov, YU. A. Publichnoye pravo [Public law] / YU. A. Tikhomirov — Moskva : Statut, 1995.
21. Chevychelov, V. V. Yuridicheskaya konstruktsiya v sovremennom rossiyskom prave (problemy teorii i praktiki) [Legal construction in modern Russian law (problems of theory and practice)] / V. V. Chevychelov. — Nizhniy Novgorod : Lan', 2007.
22. Frolov, S. Ye. Printsipy koordinatsionnoy deyatel'nosti [Principles of Coordination Activity] / S. Ye. Frolov // Aktual'nyye problemy yurisprudentsii : sbornik nauchnykh trudov. — Vladimir, 2002.
23. Chernetsov, V. YU. Psikhologicheskii podkhod k izucheniyu problem koordinatsionnoy yuridicheskoy praktiki [Psychological Approach to Studying the Issues of Coordination Legal Practice] / V. YU. Chernetsov // Zakonodatel'stvo i pravoprimeneniye v Rossiyskoy Federatsii. Doklady i soobshcheniya VII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 17 aprelya 2007 g. — Moskva : RGGU, 2007.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО INFORMATION LAW

Научная статья
УДК 658.7:004

Правовое и технологическое регулирование

Ярош Инна Дмитриевна,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Современные технологии являются основой модернизации общества и права. Цифровая трансформация права требует его интеграции с информационными и сетевыми технологиями. Эта интеграция требует создания новых правовых форм, таких как компьютерно-воспринимаемое право или юридические технологии. Статья посвящена анализу этих понятий как средства интеграции права и технологий. В альтернативу и в дополнении к применяемому термину «машиночитаемое право» предлагается термин компьютерно-воспринимаемое право». Дано обоснование этого предложения. Проведен детальный анализ феномена «юридические технологии». Дана систематика технологий и выявлены сегменты юридических технологий, включая сегмент, связанный с информационной безопасностью.

Ключевые слова: правовое регулирование; регулятивные технологии; юридические технологии; цифровая трансформация; цифровое право.

Legal and technological regulation

Inna D. Yarosh,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. Modern technologies are the basis for the modernization of society and law. Digital transformation of law requires its integration with information and network technologies. This integration requires making new legal forms, such as computer-perceived law or legal technologies. The current paper deals with the analysis of these concepts as a means of integrating law and technology. As an alternative and addition to the term “machine-readable law”, there has been proposed the term “computer-perceived law”. There has been given this proposal’s substantiation. There has been analyzed the phenomenon of “legal technologies”. There has been given a taxonomy of

technologies and identified segments of legal technologies, including the segment related to information security.

Keywords: legal regulation; regulatory technologies; legal technologies; digital transformation; digital law.

Для цитирования: Ярош И. Д. Правовое и технологическое регулирование // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 58—66.

© Ярош И. Д., 2024

Цифровизация общества приводит к тому, что все больше направлений интегрируются в информационные и цифровые технологии. Это касается и области права. Использование информационных технологий широко применяется в правовом регулировании. При этом разделяется два направления: применение информационных технологий для поддержки правового регулирования [1—3]; правовое регулирование информационных технологий [4; 5]. Естественно, что при этом возникает проблема информационного права [6]. Правовое регулирование обычно связано с определенной областью. Правовое регулирование применения информационных технологий для обеспечения безопасности связано с рядом задач и проблем. Первая проблема — взаимодействие компьютерных технологий и норм права в информационной области без вспомогательных интерфейсов и переводчиков. Вторая проблема — перевод юридических технологий и рассуждений в сферу компьютерного интеллекта. Из второй проблемы вытекает задача анализа понятия «юридическая технология» как основание для создания подобного компьютерного двойника. Из второй проблемы вытекает задача раскрытия содержания понятия «компьютерный интеллект», отлич-

ного от понятия «искусственный интеллект» [7].

Поясним последнюю задачу. Компьютерный интеллект основан на алгоритмах и близок к понятию «автоматизированная обработка». Сравнение можно провести на обычной программе (компьютерный интеллект) и искусственной нейронной сети (искусственный интеллект). Компьютерное алгоритмическое рассуждение воспроизводимо и всегда осуществляется одним путем и получает один результат. Оно построено на только на однозначных детерминированных связях. Применение нейронной сети основано на многозначных ассоциативных связях в сочетании с детерминированными связями. Главное отличие в том, что нейронная сеть может решать одну и ту же задачу разными способами (путями), но выдавать один и тот же правильный результат. Нейронная сеть имеет сложную сетевую структуру. Алгоритм имеет простую линейную структуру или несложную топологию. Это различие не столь важно для правового анализа.

Компьютерно-воспринимаемая информация служит основой обработки в компьютерных и интеллектуальных технологиях.

Еще одно различие между этими технологиями, важное для правового анализа, состоит в том, что методы

искусственного интеллекта являются закрытыми и представляют «черный ящик» для человека. Методы компьютерного анализа являются открытыми. Их можно разложить на шаги и проверять шаг за шагом рассуждения программы. Преимущество компьютерных методов в скорости обработки, особенно при больших объемах анализируемой информации. Они на 2—3 порядка быстрее, чем человек, обрабатывают и анализируют информацию. Следует подчеркнуть, что в правовом регулировании применения информационных технологий важна не столько обработка, сколько анализ. Поэтому речь идет о скорости анализа. Данная статья подготовлена в рамках диссертационного исследования «Правовое регулирование применения информационных технологий для обеспечения безопасности объектов транспорта в контексте национальной безопасности: вызовы и перспективы», поэтому раскрытие тематики компьютерно-воспринимаемого права будет вестись с ориентацией на эту тему.

В качестве материалов использовались опубликованные исследования в области цифровой трансформации, цифровой экономики, цифровизации права, транспортного права. Для изучения состояния цифровой трансформации использовались методы монографического анализа, системного анализа, сравнительного анализа, качественного анализа. Обобщение литературных источников позволило выявить особенности цифровой трансформации и цифровизации.

Проблема взаимодействия компьютерных технологий и норм права

Правовое регулирование применения информационных технологий в

любой области приводит к понятиям машиночитаемого права [8] машиноисполняемого права. Под этим принято понимать создание законов и других нормативных актов в виде, воспринимаемом одновременно компьютером и человеком.

Термин «машиночитаемое» употребляется в литературе и принят научным сообществом. Однако следует отметить две некорректности. Первая некорректность состоит в архаичности такого термина, поскольку он относит понимание читаемости к вычислительным и электронным машинам, активно существовавшим до 1990-х гг. В настоящее время применяют термин «компьютер».

Вторая некорректность состоит в смещении смысла термина. «Читаемость» и «воспринимаемость» — разные понятия, имеющие разные смыслы. Читаемость и «возможность анализа» — также разные понятия. Любой человек, знающий английский алфавит, может прочесть судебное решение на английском языке, но не всегда воспримет смысл и тем более не всегда обнаружит тонкости и детали содержания такого решения. Поэтому в качестве современного аналога предлагается употреблять термин «компьютерно-воспринимаемое право» или «цифровое право». Тем более что цифровое право в России закреплено Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Понятия «компьютерно-воспринимаемое право» или «цифровое право» в аспекте обобщения можно рассматривать как концепты. Указанные концепты можно рассматривать как основу адаптации право-

вых норм к компьютерным и интеллектуальным системам.

Компьютерная воспринимаемость — это одно из условий цифровизации нормативно-правовой деятельности. Главная ее часть состоит в правовом анализе считанного документа или контента. В перспективном понимании следует говорить об интеллектуализации обработки информации в аспекте соответствия ее правовым нормам. Это будет возможно при полном доверии специалистов к аппарату интеллектуального анализа правовой информации.

Цифровая трансформация [9] в области права направлена на улучшение средств оперирования законодательством с возможностью подключения компьютерных или интеллектуальных технологий для: 1) поддержки человеческой деятельности; 2) контроля человеческой деятельности; 3) снижения сложности анализа ситуаций; 4) выявления причинно-следственных связей, не видимых явно.

Современное законодательство представляет собой совокупность сложных информационных конструкций. Оно наполнено нечеткими концептами, неполным лексическим согласованием, коллизиями и другими факторами, которые в сумме создают «информационную юридическую неопределенность» [1]. В условиях роста объемов информации для физических и юридических лиц растет сложность предварительного анализа правовой ситуации [10]. Возрастают цифровые риски [9].

Одним из путей решения этой проблемы является разработка компьютерно-воспринимаемого и компьютерно-анализируемого права. Разработка этой проблемы является двухсторонней. С одной стороны, специа-

листы-правоведы стремятся выявить особенности разных юридических ситуаций и найти в них общие и частные закономерности. С другой стороны, математики-алгоритмисты пытаются упростить ситуации и решить задачу с минимальным числом алгоритмов анализа. Поэтому в настоящее время решение данной проблемы проводится эвристическими методами.

Юридическая технология

Термин «юридические технологии» является принятым в юридической литературе и особенно часто употребляется в зарубежной литературе. Связь между информационными технологиями и юридическими технологиями служит основой информатизации и цифровизации права. Для начала необходимо проанализировать понятие «юридические технологии». Анализ понятия юридических технологий (*Legal Technology*) проводят с выбранным ключевым критерием анализа. Например, в работе [11] выполнен анализ юридических технологий с использованием дихотомического подхода пары выгода/риск. Отмечено, что многие практики трактуют эту дихотомическую пару как требование общей технологической компетентности или информированности [11]. Это обусловлено тем, что понятие «риск» в экономической и юридической сфере оценивают по-разному. Другие подходы интерпретируют пару «выгоды и риски» как необходимость знания преимуществ и рисков применяемых технологий. Автор предлагает четыре дихотомические категории для анализа этой пары: эффективность / неэффективность; безопасность / уязвимость; связь / отключение; объективность / предвзятость [11]. Понимание преимуществ и рисков техно-

логий, а также того, как они взаимодействуют, является требованием этической и эффективной юридической практики

С понятием «юридические технологии» связаны так называемые «регулирующие технологии». В этих технологиях существуют инструменты регулирования, которые оказывают регулирующее воздействие на социальную сферу. Нормативно правовое регулирование попадает в этот класс технологий. В связи этим интерес представляет аналитическая работа Бренера «Право в эпоху интеллектуальных технологий» [12]. Он ссылается на определение в юридическом словаре Блэка, в котором «право» интерпретируется как «режим, который упорядочивает человеческую деятельность и отношения посредством систематического применения силы политически организованного общества или посредством социального давления, подкрепленного силой, в таком обществе». Блэк также отмечает, что этот термин обозначает «совокупность законодательства, судебных прецедентов и принятых правовых принципов, которые суды применяют при разрешении споров, переданных им на рассмотрение». Разумеется, эта точка зрения является взглядом со стороны. По Бреннеру, уголовное право отличается от гражданского права в двух очень важных отношениях: во-первых, уголовное дело возбуждается сувереном (правительством или федеральным правительством в Соединенных Штатах), тогда как гражданское дело возбуждается частным лицом.

С понятием «юридические технологии» связано понятие технологии как таковой. Бреннер ссылается на словарь Чемберса, который определяет технологию как «практику лю-

бой или всех прикладных наук, имеющих практическую ценность и/или промышленное использование». Википедия говорит, что технология есть «состояние наших знаний о том, как объединять ресурсы для производства желаемых продуктов, решения проблем или удовлетворения потребностей». Можно упомянуть книгу Рона Веструма, который определяет технологию как «объекты, методы и знания, которые позволяют людям преобразовывать и контролировать неодушевленный мир».

Наиболее близкими к вопросам правового регулирования являются регулятивные технологии. Этот тип технологий охватывает не только «прикладные» системы [13], но научные области и культурные знания. С научных позиций технология имеет «эпистемологическое» значение при анализе вопросов регулирования и права. Современные технологии объединены в сеть, и это порождает создание сетевых моделей для права.

Интерес представляет правовое регулирование Интернета в Китае, как пример применения права для регулирования информационных технологий [14]. В Китае развитие цифровой трансформации связывают с ростом применения Интернета. Только в 2017 г. более 55% населения Китая имели доступ в Интернет. Это выразилось в росте интернет-торговли. Для успешного развития бизнеса в Интернете возникла потребность в создании юридических механизмов (юридических технологий) для разрешения споров. Закон «Об электронной коммерции» прямо предусматривает возможность разрешения таких споров путем переговоров, медиации, а также арбитражного и судебного разбирательства. Принятие национальной стратегии развития

информационных технологий в Китае повлекло создание интернет-судов, компетенция которых регламентируется гражданским процессуальным законодательством, административным процессуальным законодательством и другими нормативными актами. В правовом регулировании интернет-судов большое значение имеют специально принятые Разъяснения Верховного народного суда, регламентирующие порядок их создания и функционирования, что является особенностью страны с кодифицированной системой права.

Юридические технологии представляют интерес не только с позиции регулирования, но и с позиции развития юридического бизнеса, в частности оказания юридических коммерческих услуг. Юридические технологии в условиях цифровизации можно рассматривать как цифровые решения для предоставления юридических услуг. Они превратились в существенный элемент конкуренции между участниками юридического рынка. В исследовании [15] доказано конкурентное превосходство юридических услуг, основанное на концепции инновационных прорывных технологий по сравнению с традиционными фирмами. Выявлено несколько тенденций в развитии рынка юридических технологий (например, изменение ландшафтов юридического бизнеса, моделей предоставления услуг, сегментов юридического рынка и прорывных технологий). Анализ затрат и выгод сравнивает денежные, социальные и психологические издержки, преимущества юридических технологий и традиционных фирм с точки зрения клиентов и юристов.

В современных условиях можно дать следующее определение юридических технологий. Юридические

технологии включают применение информационных и интеллектуальных технологий, а также программного обеспечения для поддержки юридических фирм с управлением практикой, выставлением счетов, большими данными, электронными открытиями, причинной аналитикой, управлением знаниями и хранением документов

Юридические технологии помогают клиентам, предоставляя доступ к онлайн-программному обеспечению, сокращает время, деньги и ряд других расходов [15]. Сегментация рынка юридических технологий не является новым явлением для отраслей из-за наличия различных альтернатив, конкретных задач и опыта. Юридический рынок, потребности клиентов и конкретные юридические сегменты являются криком современного мира.

Предложение юридических услуг в настоящее время включает услуги инженеров-программистов, специалистов по облачным вычислениям, инвесторов, помощников юристов, неюристов и предпринимателей [15]. На основе анализа литературы была разработана [15] пятибалльная сегментация рынка юридических технологий на основе потребностей клиентов.

Первый сегмент в области юридических технологий обеспечивает самообслуживание посредством товарных юридических решений и улучшенного доступа к правосудию в юридической отрасли, удовлетворяя потребности клиентов в экономической эффективности.

Второй сегмент работает на основе многообразной бизнес-модели, он включает электронные юридические рынки, сети и многосторонние платформы для услуг L2C (юрист—

клиент), L2B (юрист—бизнес) и L2L (юрист—юрист).

Третий сегмент в области юридических технологий работает по модели крупного бизнеса и содержит большое разнообразие высокотехнологичных инструментов для конкретных юридических рабочих процессов и задач. Эта категория включает в себя проверку документов, электронное раскрытие информации, управление активами интеллектуальной собственности, автоматизированную сборку документов, управление юридическими контрактами, анализ юридических исследований и управление юридической практикой. В этот сегмент попадает информационная и коммуникационная безопасность.

Четвертый сегмент юридических технологий предоставляет платформы для разрешения споров в режиме онлайн (*ODR*).

Пятый сегмент в области юридических технологий работает над самыми передовыми решениями в области юридических технологий, т.е. юридическими системами искусственного интеллекта.

В целом можно констатировать, что юридические технологии стали основным драйвером в юридической сфере, предлагая различные виды инновационных юридических решений и, следовательно, возможность создания новых моделей бизнеса и принятия решений.

Итак, юридические услуги и юридические технологии стали международным явлением. Потребность в таких услугах, как предоставление юридических документов, санкционированных заявлений, управление интеллектуальной собственностью и структурирование бизнеса, значительно возросла. Это влечет необходимость более тесной интеграции юридических технологий с информационными и компьютерными технологиями. Появление реформ на юридическом рынке мотивируется новыми технологическими и цифровыми возможностями. Эти изменения на юридическом рынке открывают возможности для разработки и внедрения юридических технологий, которые позволяют поставщикам юридических услуг повышать производительность, предлагать инновационные цифровые продукты (например, консультации по киберпреступности, управление контрактами, комплексная проверка), улучшать предоставление и качество юридических услуг, сохраняя при этом расходы на низком уровне. Ученые предполагают, что спрос и предложение на юридическом рынке не совпадают в отношении содержания. Несмотря на растущую значимость юридических технологий и роста интеграции юридических и регулятивных технологий, существует потребность в их совершенствовании и развитии.

Источники

1. Орлова, А. А. Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве: оптимизация правового регулирования / А. А. Орлова, Н. Е. Муженская // Законодательство. — 2021. — № 10. — С. 65—70.
2. Липень, С. В. Информационные технологии в правотворческой деятельности / С. В. Липень // Lex russica. — 2019. — № 8 (153). — С. 111—120.

3. Клеина, В. И. Информационные технологии в профессиональной деятельности юриста / В. И. Клеина // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2010. — № 7. — С. 99—102.
4. Южаков, В. Н. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 5 (101). — С. 62—69.
5. Ковалева, Н. Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении : дис. канд. юрид. наук. — Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2014.
6. Минбалеев, А. В. Актуальные проблемы информационного права в условиях цифровой трансформации / А. В. Минбалеев // Информационное право. — 2021. — № 1.
7. Тарасов, И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» / И. Н. Тарасов // Lex russica. — 2022. — № 1 (182). — С. 122-1.
8. Понкин, И. В. Концепт машиночитаемого права / И. В. Понкин // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 231—236.
9. Нестеров, Е. А. Информационные коммуникационные риски цифрового развития / Е. А. Нестеров, В. Я. Цветков // Транспортное право и безопасность. — 2023. — № 2 (46). — С. 58—65.
10. Левин, Б. А. Информационные процессы в пространстве «больших данных» / Б. А. Левин, В. Я. Цветков // Мир транспорта. — 2017. — Том 15. — № 6(73). — С. 20—30.
11. Haight I. A Rubric for Analyzing Legal Technology Using Benefit / Risk Pairs // U. St. Thomas LJ. — 2024. — Том 20.
12. Brenner, S. Law in an era of smart technology. — Oxford University Press, 2007.
13. Цветков, В. Я. Прикладные системы / В. Я. Цветков // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. — 2005. — № 3. — С. 76—85.
14. Rusakova E. P., Inshakova A. O., Frolova E. E. Legal regulation of internet courts in China //Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap 11. — Springer International Publishing, 2021.
15. Hongdao Q. et al. Legal technologies in action: The future of the legal market in light of disruptive innovations // Sustainability. — 2019. — Том 11. — № 4.

References

1. Orlova, A. A. Ispol'zovaniye informatsionnykh tekhnologiy v ugovnom sudoproizvodstve: optimizatsiya pravovogo regulirovaniya [Use of information technologies in criminal proceedings: optimization of legal regulation] / A. A. Orlova, N. Ye. Muzhenskaya // Zakonodatel'stvo. — 2021. — № 10. — S. 65—70.
2. Lipen', S. V. Informatsionnyye tekhnologii v pravotvorcheskoй deyatelnosti [Information technologies in law-making activities] / S. V. Li-pen' // Lex russica. — 2019. — № 8 (153). — S. 111—120.
3. Klenina, V. I. Informatsionnyye tekhnologii v professional'noy deyatelnosti yurista [Information technologies in the professional activities of a lawyer] / V. I. Klenina // Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. — 2010. — № 7. — S. 99—102.
4. Yuzhakov, V. N. Napravleniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya v sfere stimulirovaniya razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [Directions for improving legal regulation in the field of stimulating the development of information technologies] / V. N. Yuzhakov, A. A. Yefremov // Ros-siyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. — 2017. — № 5 (101). — S. 62—69.
5. Kovaleva, N. N. Administrativno-pravovoye regulirovaniye ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v gosudarstvennom upravlenii [Administrative and legal regulation of the use of information technologies in public administration]: dis. kand. jurid. nauk. — Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2014.
6. Minbaleyev, A. V. Aktual'nyye problemy informatsionnogo prava v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Actual problems of information law in the context of digital transformation] / A. V. Minbaleyev // Informatsionnoye pravo. — 2021. — № 1.

7. Tarasov, I. N. Problemy pravovogo regulirovaniya na primere ponyatiya «iskusstvennyy intellekt» [Problems of legal regulation on the example of the concept of "artificial intelligence"] / I. N. Tarasov // Lex russica. — 2022. — № 1 (182). — S. 122-1.
8. Ponkin, I. V. Kontsept mashinochitayemogo prava [The concept of machine-readable law] / I. V. Ponkin // Yuridicheskaya tekhnika. — 2021. — №. 15. — S. 231–236.
9. Nesterov, Ye. A. Informatsionnyye kommunikatsionnyye riski tsifrovogo razvitiya [Information communication risks of digital development] / Ye. A. Nesterov, V. YA. Tsvetkov // Transportnoye pravo i bezopasnost'. — 2023. — № 2 (46). — S. 58–65.
10. Levin, B. A. Informatsionnyye protsessy v prostranstve «bol'shikh dannykh» [Information processes in the space of "big data"] / B. A. Levin, V. YA. Tsvetkov // Mir transporta. — 2017. — Tom 15. — № 6(73). — S. 20–30.
11. Haight I. A Rubric for Analyzing Legal Technology Using Benefit / Risk Pairs // U. St. Thomas LJ. — 2024. — Tom 20.
12. Brenner, S. Law in an era of smart technology. — Oxford University Press, 2007.
13. Tsvetkov, V. YA. Prikladnyye sistemy [Applied systems] / V. YA Tsvetkov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavede-niy. Geodeziya i aerofotos"yemka. — 2005. — № 3. — S. 76–85.
14. Rusakova E. P., Inshakova A. O., Frolova E. E. Legal regulation of internet courts in China //Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap 11. — Springer International Publishing, 2021.
15. Hongdao Q. et al. Legal technologies in action: The future of the legal market in light of disruptive innovations // Sustainability. — 2019. — Tom 11. — № 4.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК 341.225

Основные этапы формирования международно-правового режима дна Мирового океана

Зигарев Александр Владимирович,
начальник отдела мореплавания Департамента государственной политики
в области морского и внутреннего водного транспорта,
Министерство транспорта Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования использования ресурсов дна Мирового океана в контексте развития экономических интересов государств, связанных с развитием научно-технического прогресса. Особое внимание уделено деятельности Организации Объединенных Наций и учрежденных ею в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Комиссии по границам континентального шельфа и Международного органа по морскому дну.

Ключевые слова: континентальный шельф; Район; Международный орган по морскому дну; минеральные ресурсы.

The main stages of the international legal regime formation of the world's ocean floor

Aleksander V. Zigarev,
head of the navigation department of the Department of state policy
in the field of maritime and inland water transport,
Ministry of Transport of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has considered the issues of legal regulation of the use of resources of the world's ocean floor in the context of the development of economic interests of states due to the scientific and technological progress. Particular attention has been paid to the activities of the United Nations and the Commission on the Limits

of the Continental Shelf and the International Seabed Authority established by it within the framework of the UN Convention in the Law of the Sea of 1982.

Keywords: continental shelf; district; International Seabed Authority; mineral resources.

Для цитирования: Зигарев А. В. Основные этапы формирования международно-правового режима дна Мирового океана // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 67—73.

© Зигарев А. В., 2024

Интерес к разработке дна морского океана имеет тенденцию устойчивого роста, пропорционального развитию научно-технического прогресса и истощению запасов минеральных ресурсов, добываемых на суше. При этом история правового регулирования деятельности по его разработке насчитывает менее 100 лет. Сейчас трудно себе представить, что до середины XX в. таких понятий, как «континентальный шельф» или «международный район морского дна», в юридической практике не существовало, по крайней мере, в нашем современном понимании.

В учебных пособиях по международному морскому праву середины XX в. упоминается, что на морские пространства, расположенные сразу за пределами территориальных вод в сторону моря и получившие название «открытое море», а также морское дно, покрытое его водами, не распространяется суверенитет прибрежного государства. В морских пространствах, начинающихся сразу за внешней границей территориальных вод, все государства без исключения, в том числе не имеющие выхода к морю, пользовались правом свободного судоходства и воздухоплавания, рыболовства и других морских промыслов, а также правом проведения

научных исследований течений, морского дна, прокладки морских телеграфных и телефонных кабелей. Правовое регулирование отдельных видов деятельности осуществлялось в соответствии с общепризнанными обычаями, а также рядом международных соглашений, такими, например, как: Международная конвенция по охране подводных телеграфных кабелей 1884 г., Международные правила для предупреждения столкновения судов на море 1889 г. и т.д.

Отсутствие правовых норм, регламентирующих деятельность на морском дне, за пределами национального суверенитета, связано с тем, что между субъектами права не сложились необходимые правоотношения, требующие регламентации.

Первый опыт разработки ресурсов недр морского дна относится к началу XX в., когда житель Баку Гаджи Касумбек Мансурбеков, соорудив в бухте близ поселка Биби-Эйбат два колодца, на удалении 18 и 30 м от берега, добыл первую нефть со дна Каспийского моря, приоткрыв тем самым дверь в эпоху морской добычи черного золота. Такая прибрежная добыча нефти вполне вписывалась в правило «пушечного выстрела», сформированное голландцем Корнелиусом ван Бинкерсгоком в начале XVIII в. в кни-

ге «О господстве на море». [В начале XVIII в. голландский юрист Корнелиус ван Бинкерсгук предложил концепцию, в соответствии с которой любое государство имеет суверенное право использовать ресурсы прибрежных вод, простирающихся на дальность полета пушечного ядра. Концепция «дальности пушечного выстрела» была доработана итальянцем Галиани, предложившим зафиксировать ширину территориальных вод в значении трех морских миль, что соответствовало дальности орудий того времени.]

Что касается добычи черного золота с использованием морских платформ, то первопроходцем выступил горный инженер польского происхождения Л. К. Згленицкий, подавший в 1896 г. прошение в Управление государственным имуществом Бакинской губернии и Дагестанской области Российской империи о выделении ему вблизи Апшеронского полуострова (Каспийское море) участка морского дна для поисков и добычи нефти способом бурения с площадок, установленных над водой с помощью деревянных свай, вбитых в дно.

Тогда, в конце XIX в., проект Згленицкого отклонили, посчитав его излишне смелым и преждевременным, но спустя ровно полвека, в 1946 г., советскими учеными в Каспийском море на расстоянии 40 км от берега были обнаружены огромные запасы нефти, а уже в 1949 г. была пробурена первая скважина, положившая начало строительству целого города на сваях, получившего название «Нефтяные камни».

Бурный рост научно-технического прогресса в середине XX в., необходимость восстановления разрушенной войной мировой экономики сделали неизбежным поднятие вопроса об

установлении правовых норм, обеспечивающих ведение разведки и добычи нефти на глубинах, находящихся за пределами территориального моря.

В этих условиях 33-й президент США Гарри Трумэн — страны, наименее пострадавшей от последствий Второй мировой войны, публикует 28 сентября 1945 г. прокламацию № 2667 «Политика Соединенных штатов в отношении естественных ресурсов, находящихся в недрах и на дне моря на территории континентального шельфа», тем самым в одностороннем порядке присваивая США богатства прилегающего к их берегам континентального шельфа, объявляя его своей собственностью.

При этом понятие «континентальный шельф» впервые в практике межгосударственных отношений появился еще в начале XX в., когда Россия в 1916 г. при отстаивании своего права суверенитета на острова в Северном Ледовитом океане, заявила, что острова Генриетты, Уединения и другие являются продолжением на север Сибирской платформы. [Сибирская платформа — древняя платформа в Восточной Сибири, расположенная в основном между рекой Енисей на западе, рекой Лена на востоке и озером Байкал на юго-востоке. Целиком расположена на территории России.]

Основываясь на прецеденте, созданном прокламацией № 2667, многие государства так называемого капиталистического блока принимают свои национальные законы, закрепляющие их суверенитет на континентальный шельф и покрывающие его морские пространства. Например, Аргентина в своем декрете о континентальном шельфе, изданном 11 октября 1946 г., в первой его статье уста-

навливает, что аргентинское эпиконтинентальное море (поверхность моря в пределах континентального шельфа) и континентальный шельф подчинены суверенитету нации. Такие же права заявили Бразилия, Мексика, Гондурас, Панама, Перу, Чили и другие в основном латиноамериканские государства.

Некоторые государства, такие как Индия и Пакистан, в рамках своего национального права ограничились декларированием права только на ресурсы недр дна моря, не расширяя границы своего суверенитета за пределы территориального моря.

Принятые государствами национальные законы противоречили друг другу в ряде концептуальных, критически важных положений и уж точно не могли создать новых норм международного права.

Стоит отметить, что в условиях bipolarного мира и зарождающейся в то время холодной войны ни одна из социалистических стран не приняла своих законов о континентальном шельфе [1, стр. 117—118]. В 1947 г. решением Генеральной Ассамблеи ООН создается Комиссия международного права, которая начинает разработку проекта Международного договора о континентальном шельфе, результатом которой стало принятие в 1958 г. на I Женевской конференции ООН по морскому праву Конвенции о континентальном шельфе, закрепившей за прибрежным государством суверенные права в целях разведки и разработки его естественных богатств. При этом указанные суверенные права объявлялись исключительными в том смысле, что никакое другое государство не может производить разведку или разработку естественных богатств континентального шельфа без прямого согла-

сия прибрежного государства (ст. 2 Конвенции). Таким образом вопрос о расширении суверенитета прибрежного государства на континентальный шельф и покрывающие его воды был решен не в пользу высокотехнологически развитых капиталистических стран.

Определяла Конвенция о континентальном шельфе и понятие «континентальный шельф», под которым понимались поверхность и недра морского дна подводных районов, примыкающих к континентальному или островному берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 м или за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов (ст. 1).

Отсутствие в определении континентального шельфа каких-либо конкретных пространственных ограничений подразумевало безграничное распространение прав технологически развитых государств, в первую очередь США, на дно и недра Мирового океана, что стало темой жарких споров делегаций государств в ходе III Международной конференции по морскому праву, в ходе которой предстояло решить не только вопрос установления внешних границ континентального шельфа, но и определение международно-правового режима района глубоководного дна Мирового океана, находящегося за пределами границ континентального шельфа и получившего название «Район».

О наличии железной руды на дне Мирового океана люди знали со второй половины XIX в., чуть позже, чем о наличии нефти. Однако практический интерес к освоению глубоководных запасов полезных ископае-

мых, находящихся на глубине 4—5 км, возник лишь в 1960-е гг., и опять благодаря достижениям научно-технического прогресса. Американский геолог Джона Мери в своей книге «Минеральные богатства океана» на основании научных исследований доказывал наличие в Мировом океане больших залежей не только нефти и газа, добываемых из недр морского дна, но и конкреций твердых традиционных и специфических (редкоземельных) полезных ископаемых, разбросанных по морскому дну, а также газовых гидратов, расположенных в нижних, придонных, слоях морской воды на больших глубинах, в перспективе способных составить альтернативу традиционному природному газу.

И снова государства, обладающие высоким потенциалом технологического развития и в первую очередь США, и их союзники по капиталистическому блоку предприняли попытку присвоения себе права безграничного использования богатств морского дна. С этой целью они стали продвигать идею об объявлении добычи минеральных ресурсов в Районе одной из свобод открытого моря, поскольку такие ресурсы никому не принадлежат. Таким образом, по их мнению, любое государство на свое усмотрение вправе пользоваться ресурсами Района [2, стр. 97].

Такой подход не мог устроить большинство государств — членов ООН, и в 1967 г. в рамках Генеральной Ассамблеи ООН представитель Мальты Арвид Пардо предложил применить к Району концепцию «общего наследия человечества», отражающую интересы развивающихся государств и исключаящую возможность односторонних действий по завладению каким-либо участком Района, а

также предполагающую совместное и регулируемое управление им.

С целью поиска взаимоприемлемого решения в отношении ресурсов Района Генеральная Ассамблея ООН в 1967 г. учреждает Специальный комитет для изучения вопросов регулирования деятельности в море за пределами распространения национальной юрисдикции прибрежного государства, который уже в 1968 г. переименован в Комитет по мирному использованию дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции, на который возлагается подготовка III Конференции ООН по морскому праву.

Первым официальным документом, четко объявляющим ресурсы Района общим наследием человечества, стала Декларация принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1970 г. № 2749 (XXV).

Первая организационная сессия Конференции прошла в Нью-Йорке в 1973 г. и положила начало долгому и кропотливому труду делегаций более чем 100 стран, который завершился в 1982 г. в американском Монтего-Бее подписанием представителями 119 государств Конвенции ООН по морскому праву (далее — Конвенция) — всеобъемлющего международного договора, ставшего правовой основой деятельности в Мировом океане.

В части континентального шельфа Конвенцией определялись пределы его внешней границы, а именно: фиксированные точки, избранные прибрежным государством, имеющим широкий шельф, для проведения линии внешней границы континентального шельфа, должны находить-

ся не далее 350 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется территориальное море, или не далее 100 морских миль от 2500-метровой изобаты, которая представляет собой линию, соединяющую глубины в 2500 м. На подводных хребтах внешние границы континентального шельфа не должны выходить за пределы 350 морских миль от тех же исходных линий (ст. 76 Конвенции).

При этом данные о границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль, отмеряемых от исходных линий, представляются прибрежным государством в создаваемую на основе Конвенции Комиссию по границам континентального шельфа, которая дает прибрежным государствам рекомендации по вопросам, касающимся установления внешних границ их континентального шельфа. Границы континентального шельфа, установленные на основе указанных рекомендаций, являются окончательными и обязательными для всех (п. 8 ст. 76 Конвенции).

Получил свое закрепление в Конвенции и международно-правовой режим Района. В соответствии со ст. 1 Конвенции, под «Районом» понимается дно морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции, т.е. за внешней границей континентального шельфа. Концепция «общего наследия человечества» Района и его ресурсов получила правовое закрепление, став нормой международного права (ст. 133 Конвенции).

В соответствии со ст. 156 Конвенции учреждена специальная международная организация, ответственная за управление деятельностью в Районе, — Международный орган по морскому дну (МОМД). Установлено,

что финансовые и другие экономические выгоды от деятельности в Районе справедливо распределяются через Орган (п. 2 ст. 140 Конвенции).

Кроме того, в Конвенции содержатся положения о необходимости учета интересов развивающихся стран (при проведении научных исследований, обязательства по передаче технологий и научных знаний, поощрение участия развивающихся стран в деятельности в Районе и др.).

Целый блок статей Конвенции посвящен деятельности МОМД (ст. 158—170 Конвенции).

Однако не стоит думать, что с подписанием и вступлением в силу Конвенции завершилась работа по международно-правовому оформлению режима использования дна Мирового океана.

До настоящего времени продолжается работа по обоснованию внешних границ расширенного континентального шельфа арктических государств в Северном Ледовитом океане. Китай, Филиппины, Вьетнам и ряд других государств оспаривают границы континентального шельфа в Тихом океане. Турция и Греция никак не могут договориться о границах своих шельфов в Средиземном море, демонстрируя при этом решимость применения своих военно-морских сил, переводя их в состояние повышенной готовности и направляя в спорные районы Средиземного моря для проведения военно-морских учений.

В части создания нормативной правовой базы деятельности в Районе уже после подписания Конвенции Генеральной Ассамблеей ООН в 1994 г. принято Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции», позволившее устранить ряд проблем, препятствовавших подписанию Конвенции более развитыми странами [2,

стр. 97]. Продолжается работа МОМД по разработке и принятию правил, положений и процедур осуществления деятельности в районе, например, Кодекса по добыче полезных ископаемых, содержащего правила поиска, разведки, добычи и эксплуатации полезных ископаемых [URL: <https://www.isa.org.jm/the-mining-code/> (дата обращения: 15 октября 2024 г.)].

Таким образом, на основании исторического опыта установления международно-правовых режимов континентального шельфа и Района можно сделать вывод, что процесс их формирования не завершен и с дальнейшим развитием технологических возможностей попытки ряда государств, с учетом сегодняшнего обострения внешнеполитической обстановки, по созданию для себя наиболее выгодных условий будут

усиливаться. В таких условиях для обеспечения экономической безопасности государства необходим комплексный подход, предусматривающий принятие сбалансированных мер, направленных как на развитие национальных технологических возможностей, позволяющих проведение разведки и разработки Района, так и развитие международных отношений, способных отстаивать российские интересы на различных мировых площадках, включая ООН, МОМД и т.д. Кроме того, указанный комплекс мероприятий должен включать меры по наращиванию сил Военно-Морского Флота, способных обеспечить безопасность морехозяйственной деятельности Российской Федерации в удаленных районах Мирового океана и на его дне.

Источники

1. Молодцов, С. В. Международное морское право / С. В. Молодцов. — Москва : Международные отношения, 1987.
2. Тодоров, А. А. Перспективы деятельности Международного органа по морскому дну в контексте управления Арктикой / А. А. Тодоров // Арктика и Север. — 2019. — № 34. — С. 95—97.

References

1. Molodtsov, S. V. Mezhdunarodnoye morskoye pravo [International Maritime Law] / S. V. Molodtsov. — Moskva : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1987.
2. Todorov, A. A. Perspektivy deyatel'nosti Mezhdunarodnogo organa po morskomu dnu v kontekste upravleniya Arktikoy [Prospects for the activities of the International Seabed Authority in the context of Arctic governance] / A. A. Todorov // Arktika i Sever. — 2019. — № 34. — S. 95—97.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК 342.9

Роль Международной организации гражданской авиации в повышении уровня безопасности полетов

Кызим Екатерина Руслановна,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты повышения безопасности на воздушном транспорте, включая современные угрозы и вызовы, связанные с террористической деятельностью. Оценивается эффективность международных норм и стандартов, разработанных организациями, такими как Международная организация гражданской авиации и Интерпол, в защите воздушного пространства. Особое внимание уделяется внедрению современных технологий, таких как биометрические системы и искусственный интеллект, для оптимизации проверки пассажиров и грузов. Также рассматривается сотрудничество между государствами и частным сектором в формировании международной стратегии обеспечения безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность; терроризм; угрозы безопасности; Международная организация гражданской авиации; стандарты безопасности; защита воздушного пространства.

The role of the International Civil Aviation Organization in improving flight security

Ekaterina R. Kyzim,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has presented the analysis of key aspects of improving air transport security, including modern threats and challenges related to terrorist activities. There has been evaluated the efficiency of international norms and standards developed by such organizations as the International Civil Aviation Organization and In-

terpol to protect airspace. Particular attention has been paid to the introduction of modern technologies, such as biometric systems and artificial intelligence, to optimize the control of passengers and cargo. There has been also considered the cooperation among states and the private sector to form an international security strategy.

Keywords: international security; terrorism; security threats; International Civil Aviation Organization; security standards; airspace protection.

Для цитирования: Кызим Е. Р. Роль Международной организации гражданской авиации в повышении уровня безопасности полетов // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 74—77.

© Кызим Е. Р., 2024

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) была основана еще в 1944 г. в Соединенных штатах Америки в городе Чикаго. Основная и ведущая роль данной организации проявляется в обеспечении безопасности полетов на всех территориях договаривающихся государств. ИКАО имеет специальный статус в специализированных учреждениях ООН.

Основопологающим документом, который был подписан ИКАО совместно с министерством транспорта США и Европейским Союзом, является Меморандум по обмену информации по безопасности полетов. Основная цель данного документа — обмен информацией между странами для предотвращения рисков международных полетов. ИКАО выступает посредником в сборе данной информации. Рекомендации и стандарты, разработанные ИКАО, помогают государствам-участникам в достижении поставленных целей для обеспечения полетов.

Именно ИКАО ведет важную работу по регулированию и информированию международного опыта в области гражданской авиации. Основные цели и задачи ИКАО определены в

самом Уставе ИКАО, среди которых выработка единых стандартов и правил поведения в международном сообществе для безопасности всех государств.

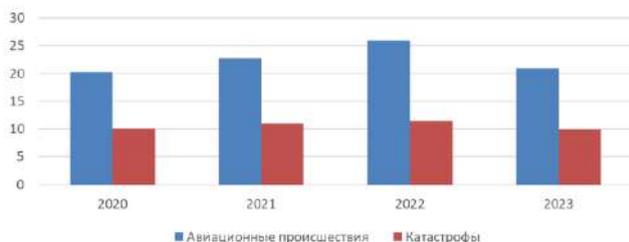
В 2014 г. вступило в силу Приложение 19 к Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция), которое разработано Российской Федерацией вводит в действие ряд новых понятий и терминов в авиатранспортной отрасли.

Одним из главных минусов Конвенции в том, что она, к сожалению, не определяет, как и каким образом и с кем государство обязано сотрудничать, чтобы соблюдать те правила, которые закреплены в рекомендациях и стандартах данной организации.

На сегодняшний день абсолютные показатели состояния безопасности полетов относительно количества происшествий и погибших ухудшились: в 2023 г. произошло 27 авиационных происшествий, количество погибших — 27 человек; в 2022 г. — 17 авиационных происшествий, количество погибших — 25 человек, в 2021 г. 24 авиационных происшествия, количество погибших — 21 человек.

Динамика изменения относительных показателей уровня безопасно-

сти полетов за период 2020—2023 гг. (в расчете на 1 млн вылетов) на всех воздушных судах гражданской авиации государств — участников ИКАО выглядит следующим образом (рис.).

Рис. Динамика изменения относительных показателей уровня безопасности полетов

Цель ИКАО заключается не только в выработке основных положений в сфере гражданской авиации, но и в создании культуры информационной безопасности. ИКАО разработано положение по руководству по авиационной безопасности, которое способствует выработке и применению единых стандартов информационной безопасности в сфере гражданской авиации, а также рекомендуемой практики ИКАО.

Среди стратегических целей, принятых Советом ИКАО в Монреале в 2020 г.:

- безопасность полетов (повышение безопасности полетов гражданской авиации во всем мире);

- авиационная безопасность (повышение безопасности полетов в гражданской авиации во всем мире);

- охрана окружающей среды (минимизация негативного воздействия гражданской авиации на окружающую среду);

- эффективность (повышение эффективности авиационных операций);

Эти цели отражают статус, роль и ответственность ИКАО как международной организации, играющей ведущую роль в развитии сотрудниче-

ства между государствами в области гражданской авиации.

Следует также отметить, что ИКАО — это организация, занимающаяся разработкой, развитием и распространением международного авиационного права, разрешением споров в области международной гражданской авиации и управлением гражданской авиацией в глобальном масштабе.

Сегодня авторитет ИКАО в области обеспечения высокого уровня безопасности полетов и авиационной безопасности настолько высок, что все государства, даже не члены, стремятся выполнять технико-юридические предписания ИКАО досконально либо путем прямого применения, либо путем введения их в национальное законодательство [1].

К примеру, после серьезных катастроф 2006 г. Межгосударственный авиационный комитет в своих рекомендациях по результатам расследования предложил внедрить в Российской Федерации разработанную в рамках проекта ИКАО — МАК систему авиационных правил государственного регулирования деятельности гражданской авиации. Указанная система прошла экспертную оценку специалистов инспекций, летных и инженерных служб государств СНГ, экспертов европейских авиационных структур и экспертов аэронавигационного бюро ИКАО и издана как инструктивный материал ИКАО, рекомендованный к внедрению в качестве национальных правил [2].

Итак, в настоящее время по инициативе государств, ИКАО и других международных организаций проводятся проверки состояния безопасности полетов. При этом если какое-либо из государств не выполняет обязательства в соответствии с нормами международного воздушного

права, это может привести к тому, что государство будет внесено в черный список, а значит отстранено от участия в международной аэронавигации и деятельности воздушного транспорта [3]. И в этом не последняя

роль принадлежит политике, проводимой соответствующими государственными полномочными органами каждой страны.

Источники

1. Соловьева, Т. Л. Влияние международных организаций гражданской авиации на формирование нормативной правовой базы обеспечения безопасности воздушного транспорта / Т. Л. Соловьева // Транспортное право. — 2008. — № 4.
2. Рухлинский, В. М. Система новых авиационных правил государственного регулирования эксплуатации воздушных судов в соответствии со стандартами ИКАО и мировой практикой / В. М. Рухлинский // Транспортное право. — 2008. — № 3.
3. Рухлинский, В. М. Государственное регулирование деятельности гражданской авиации России в сфере требований ИКАО / В. М. Рухлинский // Транспортное право. — 2014. — № 2.

References

1. Solov'yeva, T. L. Vliyaniye mezhdunarodnykh organizatsiy grazhdanskoj aviatsii na formirovaniye normativnoy pravovoy bazy obespecheniya bezopasnosti vozdushnogo transporta [The influence of international civil aviation organizations on the formation of the regulatory framework for ensuring air transport safety] / T. L. Solov'yeva // Transportnoye pravo. — 2008. — № 4.
2. Rukhlinskiy, V. M. Sistema novykh aviatsionnykh pravil gosudarstvennogo regulirovaniya ekspluatatsii vozdushnykh sudov v sootvetstvii so standartami IKAO i mirovoj praktikoy [The system of new aviation rules for state regulation of aircraft operation in accordance with ICAO standards and world practice] / V. M. Rukhlinskiy // Transportnoye pravo. — 2008. — № 3.
3. Rukhlinskiy, V. M. Gosudarstvennoye regulirovaniye deyatel'nosti grazhdanskoj aviatsii Rossii v sfere trebovaniy IKAO [State regulation of Russian civil aviation activities in the field of ICAO requirements] / V. M. Rukhlinskiy // Transportnoye pravo. — 2014. — № 2.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА FOREIGN EXPERIENCE

Научная статья
УДК 343.98(075.8)

Политико-правовая система Португалии

Бажанов Станислав Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся политико-правовой системы Португальской Республики. Не вызывает сомнений, что они оказывают самое непосредственное воздействие на сложившийся в этой стране порядок выявления и расследования преступлений, а также судебное разбирательство уголовных дел. Наблюдаемое в ее границах обустройство органов уголовной юстиции идеальным не является, ибо ничего идеального в мире нет. Тем не менее устремленность властей к ее поэтапному усовершенствованию, стабилизации и цивилизованной опеке просматривается в должной мере. Отдельные элементы правоохранительных (судебных) органов входят в соприкосновение с их аналогами, проявляющимися в архитектонике российской правовой системы. Однако имеются и некоторые различия, которые могут оказаться интересными широкому кругу исследователей соответствующего зарубежного опыта.

Ключевые слова: Португалия; выявление и расследование преступлений; судебное разбирательство уголовных дел; судебная инстанция; внутренняя безопасность; финансовые (фискальные) трибуналы.

Political and legal system of Portugal

Stanislav V. Bazhanov,
Doctor of Law, professor,
academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts,
retired colonel of justice,
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has presented the study of certain issues related to the political and legal system of the Portuguese Republic. There is no doubt that they have the most direct impact on the established procedure for identifying and investigating crimes in this country, as well as the judicial examination of criminal cases. The arrangement of criminal justice bodies observed within its borders is not ideal, because there is nothing ideal in the world. Nevertheless, one can see authorities' aspiration for its gradual improvement, stabilization, and civilized control. Some elements of law enforcement (judicial) bodies meet their analogues, manifested in the architectonics of the Russian legal system. However, there are also some differences that may be of interest to a wide range of researchers of the relevant foreign experience.

Keywords: Portugal; detection and investigation of crimes; criminal proceedings; judicial body; internal security; financial (fiscal) tribunals.

Для цитирования: Бажанов С. В. Политико-правовая система Португалии // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 78—89.

© Бажанов С. В., 2024

Продолжая изучение темы, вынесенной автором настоящей статьи в заголовок предыдущей своей публикации [3, стр. 61—70], отметим, что представительный (законодательный) орган Португалии (Ассамблея) состоит из 230 депутатов, избираемых по партийным спискам сроком на четыре года.

На фоне демократии и всеобщего избирательного права, провозглашенных Конституцией страны, в роли главы государства традиционно выступает Президент, избираемый всеобщим (тайным) голосованием сроком на пять лет; при нем функционируют:

— Государственный (консультативный) совет;

— Совет министров (головной орган исполнительной власти), в который входят: премьер-министр и министры, назначаемые Президентом; он несет всю полноту ответственности перед Ассамблеей.

Отраслевыми министерствами, действующими на территории Португальской Республики, являются:

— Министерство иностранных дел (МИД);

— Министерство сельского хозяйства, деревенского развития и рыболовства;

— Министерство общественных институтов, транспорта и коммуникаций;

— Министерство финансов и общественного управления;

— Министерство труда и общественной солидарности;

— Министерство здравоохранения;

— Министерство национальной безопасности;

— Министерство образования;

— Министерство внутреннего управления;

— Министерство юстиции;

— Министерство науки, технологии и высшего образования;

— Министерство культуры;

— Министерство охраны окружающей среды, территориального порядка и регионального развития;

— Министерство экономики, инноваций и развития.

Не трудно убедиться в том, что среди перечисленных субъектов республиканской власти Министерство внутренних дел (МВД) буквально не обозначено, вследствие чего его функции, надо полагать, возложены на Министерство внутреннего управления. К тому же их (обсуждаемых министерств) названия свидетельствуют о частичном пересечении приписываемых их должностным лицам полномочий. И Министерство юстиции в этом смысле — не исключение. Оно разрабатывает и претворяет в жизнь стратегию поступательного развития системы правоохранительных (судебных) органов, а в дальнейшем — проводит комплексный анализ и оценку достигнутых ею результатов, спорадически координируя взаимоотношения Правительства с судами, Государственным министерством, Высшим советом магистратов и Высшим советом административных и налоговых судов. В пределах своей компетенции он управляет судебной системой, курируя, среди прочего, порядок начисления и выплаты заработных плат, вопросы капитального строительства и ремонта основных фондов, и пр. Возглавляет его министр юстиции (член Правительства по должности).

В отличие от аналогичных административных учреждений, находящихся в других европейских странах, министр юстиции Португалии не наделен статусом главы государственного обвинения и не имеет верховенства над независимыми магистратами (адвокатами) Государственного министерства.

В образе представительных органов автономных областей в обсуждаемой стране выступают законодательные собрания, а в облике местных органов исполнительной власти — областные правительства, возглавляемые председателями, в распоряжении которых подвизаются секретари.

Законодательными органами приходов значатся Ассамблеи подобающих уровней; их органы исполнительной власти (управы), по общему правилу, состоят из председателей и так называемых гласных.

Особое место в системе высших судебных органов Португалии занимает Конституционный суд, состоящий из 13 судей, 10 из которых избирается членами Ассамблеи (Парламента) простым большинством голосов (2/3); остальные кооптируются вновь избранными судьями. Из 13 судей шестеро избираются из действующего состава общих судов, а остальные семь обязываются иметь, как минимум, юридическое образование.

Судьи Конституционного суда избираются сроком на девять лет и не могут занимать указанную должность вторично; им гарантированы: независимость, несменяемость и иммунитет.

Председатель Конституционного суда избирается из числа его членов.

По ходатайству Президента, Премьер-министра либо Генерального прокурора или в связи с принятием каким-либо нижестоящим судом сомнительного правового решения по конкретному делу Конституционный суд вправе признать повременный нормативный правовой акт противоречащим Основному закону страны. Ему могут передаваться на экспертизу одобренные парламентом законы, правительственные декреты и ди-

рективы, а равно иные юридические документы центральных аппаратов власти и схожих с ними структур местных (административных) областей.

Правосудие в Португалии осуществляется Верховным судом и судами общей юрисдикции, работающими при слушании дел по существу по первой и второй инстанции, Верховным административным судом, другими административными и фискальными судами, а равно Счетной палатой.

За Конституционным судом в иерархии высших звеньев судебной системы чередом следует Верховный суд, возглавляемый Президентом. Он состоит из четырех палат: двух палат — по гражданским делам, одной палаты — по уголовным делам и еще одной палаты — по социальным вопросам. Подсудные им дела заслушиваются на заседаниях одной или двух палат, а в особо значимых случаях — на пленарном заседании Верховного суда. Вынесенные (принятые) по ним решения, оформляемые постановлениями, публикуются в официальном правительственном бюллетене «*Diário da Republica*».

Верховный суд обладает правом рассмотрения по первой инстанции дел, содержащих обвинение Президента или других высших государственных лиц в совершении должностных преступлений. К его же ведению отнесено разбирательство кассационных жалоб, касающихся применения норм права во всех ниже производившихся судебных процессах, закончившихся вынесением итоговых резолюций.

Стало быть, судебная власть в Португалии включает в себя систему судов, формирующих один из четырех органов суверенитета (так деклари-

ровано в Конституции). При отправлении правосудия они независимы от Президента, Правительства и Ассамблеи.

Территория Португалии условно разделена на 23 судебных округа, каждый из которых поглощает несколько муниципалитетов. Центральные подразделения окружных судов имеют исчерпывающие полномочия на всей их территории либо на территории более крупных административных единиц — муниципалитетов.

Основным звеном судебной системы Португальской Республики считаются суды округов, рассматривающие по первой инстанции подавляющую массу гражданских и уголовных дел, а также единоличные суды (судьи) или коллегии из трех профессиональных судей. Описываемая судебная система не унитарна; ее структурные уровни дифференцированы на четыре вида, каждый из которых соотносится с узкой специализацией: конституционной, судебной, административной или аудиторской.

Каждое постановление содержит в себе собственную плеяду судов. Приказы о конституции и об аудиторах включают в себя каждый по одному судебному учреждению, в то время как два других объединяет множество соподчиненных судов.

До 2003 г. существовал еще пятый порядок судов, заносившихся в вотчину военной юрисдикции. Главенствующим субъектом в нем довлел Высший военный суд в Лиссабоне. Военными судами низовых инстанций выступали несколько региональных судебных органов и Военно-морской суд.

С утверждением 15 ноября 2003 г. нового кодекса военной юстиции постоянные военные суды были рас-

формированы и прекратили свое существование в мирное время. Военные преступления и преступления, совершенные военными служащими в относительно спокойных условиях общественной жизни, начали разбираться в уголовных отделениях судов общей юрисдикции.

Если рассуждать об органах военной юстиции вообще, то следует подчеркнуть, что в каждом из ее судов выделялось по четыре судьи (по одному для каждого рода войск Вооруженных сил), а для Национальной Республиканской гвардии — Верховный суд и арбитражные суды Лиссабона и Порту.

Так или иначе, но во время боевых действий некоторые военные суды восстанавливались, выступая под вывеской обычных или чрезвычайных учреждений юстиции.

Обычными судами были: Верховный военный суд, а также военные суды первой и второй инстанции. Они имели право замещать специализированные суды, члены которых выполняли возложенные на них функции в уголовных отделениях судов общей юрисдикции.

Чрезвычайные военные суды работали под личиной непостоянных судов, создававшихся близ дислокаций войсковых частей и соединений, а равно объектов за пределами национальной территории (акватории вод) исключительно для проведения слушаний по отдельным категориям уголовных дел. Их состав распускался сразу же, как только оглашалось заключительное решение, вступавшее затем в законную силу. Состав каждого из отмеченных судов набирался из военнопленных более высокого ранга, нежели тот, который был присущ подсудимому; он (состав) мог пополняться лицами, имеющими уче-

ную степень в области права, желательно судьями, если таковые на проверку обнаруживались.

По своему официальному статусу судьи — это независимые магистраты, отправляющие правосудие согласно Конституции и профильным законам Португалии.

Известны также два органа профессиональных судей, образующие в единстве осто́в государственной службы. Первый из них представляет собой корпус магистратов, формируемый из судей, выполняющих свои обязанности в различных судебных инстанциях; его высшим звеном считается Высший совет магистратуры под предводительством председателя Верховного суда.

Другой орган представляет собой суд административной и налоговой юрисдикции. Им руководит Высший совет соответствующих (административных и налоговых) судов под началом председателя Высшего административного суда.

Несмотря на то что оба упомянутых органа профессиональных судей независимы друг от друга, у них немало общего: одни и те же должности, например, советник, (дословно) судья права, (сообразно) подпадающие под положение судьи Верховного суда и судьи первой или второй инстанции. Их доступ к продвижению по карьерной лестнице становится реальным только после окончания специальной школы магистратуры.

Не менее принципиальными условиями для поступления на описываемую службу является гражданство Португалии либо любой другой португалоговорящей страны, ученая степень в области права и обладание достоинствами, которые ожидаются у соискателя к замещению должности по государственной службе.

Высший административный суд в иерархии административных и налоговых судебных учреждений, ответственных за разбирательство споров, возникающих из административных и налоговых правоотношений, занимает не менее важную позицию. После реформирования административного судопроизводства (2004), данный судебный орган стал заниматься рассмотрением дел лишь в рамках единой структуры, регламентированной Конституцией, Статутом административных и налоговых судов и в субсидиарном порядке с сопутствующими изменениями — Статутом судебных магистратов.

Судьи, выполняющие в нем профессиональные функции, избирают из своего состава тайным голосованием председателя, которому помогают два заместителя, избираемые заранее предустановленным способом. Срок полномочий Председателя и его заместителей не должен превышать пяти лет; при этом право очередного (повторного) их переизбрания законом не предусмотрен.

Высший административный суд состоит:

- из совещательного органа (совета) по вопросам финансового и имущественного обеспечения;

- администратора, координирующего под надзором председателя Высшего административного суда работу подчиненных аппаратов и служб в части, касающейся распоряжения людскими ресурсами, бюджетного управления и руководства персоналом, следящим за состоянием помещений и оборудования;

- консультативного совета, восседающего при председателе Высшего административного суда.

Одновременно его состав образуют:

- судебный реестр;
- управление административных и финансовых услуг;
- отдел правовой документации и информации;
- отдел организации и информатики;
- офис поддержки советников судей и прокуроров;
- пресс-служба.

В статусе судов первой инстанции пребывают также трибуналы надлежащих уровней. Систему трибуналов второй инстанции представляют апелляционные суды, полномочные без возвращения уголовного дела на новое судебное рассмотрение в нижестоящую инстанцию проводить собственное разбирательство в полном объеме и принимать по его окончании самостоятельное процессуальное решение.

В Португальской Республике функционируют четыре разновидности апелляционных судов, состоящих из трех палат, в каждой из которых разбираются жалобы и протесты на решения всех нижестоящих судов, включая приговоры. Помимо этого в них исследуются вопросы, сопряженные с исполнением процедурных решений зарубежных органов правосудия.

Должностное лицо, правомочное контролировать деятельность правительственных организаций и учреждений в Португалии, позиционируется в обличье Генерального омбудсмана [от древнескандинавского *ombod* «полномочие», «поручение»]. Обычно это гражданское, в ряде европейских стран — должностное лицо, наделяемое обширными полномочиями в сфере контроля соблюдения законности и интересов граждан в правовом пространстве органов исполнительной власти; ее (должно-

сти) юридический статус в различных странах Евросоюза не однороден.

Как уже отмечалось, высшие инстанции португальской судебной системы представлены Верховным судом и Верховным трибуналом правосудия, возглавляемым Президентом.

Наиболее распространенным звеном судебной системы, максимально приближенным к населению, являются суды комарки [судебного округа], рассматривающие подавляющую массу гражданских и уголовных дел по первой инстанции единолично судьями либо в составе коллегий из трех профессиональных судей.

Единоличный суд — это, говоря попросту, профессиональный судья, разрешающий уголовные дела о преступлениях, не подпадающих под юрисдикцию судов присяжных или коллегиальных судов, к которым относятся уголовные дела о преступлениях, за совершение которых не может назначаться наказание свыше двух лет лишения свободы. Их сам по себе ограниченный перечень дополняют уголовные дела о преступлениях против государственной власти, об использовании чеков на предъявителя без денежного обеспечения, либо об общественно-опасных деяниях, за совершение которых не может быть назначено наказание, превышающее 3—5 лет лишения свободы.

Для судебного рассмотрения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях создается коллегиальный (коллективный) состав суда, состоящий из трех профессиональных судей. Они разбирают лишь ту часть уголовных дел, которые не отнесены к подсудности единоличных судей или судов присяжных. По обыкновению, это уголовные дела об умышленных убийствах или иных преступлениях с отягчающими об-

стоятельствами, повлекших смерть пострадавшего, либо о деяниях, за совершение которых может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет.

Суд присяжных образуется из судей коллегиального суда и четырех непрофессионалов, т.е. присяжных заседателей. К его подсудности отнесены уголовные дела о преступлениях против мира и человечества, безопасности государства, или те, которые подпадают под применение наказания сроком более восьми лет лишения свободы.

При судебном разбирательстве отелных гражданских дел в состав суда дозвоительно привлекать сведущих лиц, или, как их еще иногда называют, технических экспертов.

Статья 217 Конституции Португалии учредила институт народных судей, а равно потенциальную возможность использования других форм вовлечения граждан в процесс отправления уголовного правосудия.

В статусе специализированных судов первой инстанции свои обязанности выполняют и уголовные трибуналы, ведающие преданием обвиняемого суду, следственные трибуналы, надзирающие за ходом расследования преступлений, а также трибуналы, в предмет ведения которых входит исполнение наказаний, назначенных судом.

Кроме этого, выделяется еще три разновидности судов, рассматривающих уголовные дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 (-18) лет. Они устанавливают попечительство в отношении детей (подростков) для обеспечения их защиты от злоупотреблений со стороны ближайшего (взрослого) окружения (родителей и т.п.).

В определенном единении с обозначенной ювенальной юстицией функционируют семейные суды, приоритетным направлением деятельности которых является установление опеки и разрешение вопросов, связанных с усыновлением (удочерением). Они же ведают начислением денежных выплат (алиментов) на содержание нетрудоспособных иждивенцев (малолетних детей или престарелых родителей).

Согласно Конституции Португалии не менее авторитетным судебным учреждением Республики считается Счетная палата (аудиторский суд), уполномоченный рассматривать иски, сопряженные с государственными расходами, и с принятием решений, касающихся общих счетов и счетов архипелага Азорских островов и острова Мадейра. Он устанавливает меру ответственности провинившихся чиновников за выявленные в их повседневной практике, документально подтвержденные (финансовые) правонарушения

[URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2b1053c3-66e83b30-81801d1c-](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2b1053c3-66e83b30-81801d1c-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Judiciary_of_Portugal)

[74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Judiciary_of_Portugal](https://en.wikipedia.org/wiki/Judiciary_of_Portugal)]. Его председателя назначает и освобождает от должности Президент по представлению Правительства [7, стр. 10—24].

Таким образом, наряду с системой общих судов в Португалии наблюдаются:

- административные и финансовые трибуналы;
- трибуналы по морским делам;
- арбитражные суды.

Так, Статут административных и финансовых трибуналов утвержден Декретом-законом № 129 (1984), а процедура рассмотрения дел в адми-

нистративных трибуналах — Декретом-законом № 267 (1985).

Что касается назначения и перемещения судей по службе, а также их дисциплинарной ответственности, то данный блок проблем входит в компетенцию Высшего совета магистратуры, члены которого назначаются Советом Республики и судьями различных судебных уровней. Его первым должностным лицом признается председатель Верховного суда.

Для занятия должностей в судебных учреждениях, в том числе в Верховном суде, предусматривается конкурсная система.

Досудебная подготовка уголовных дел, т.е. предварительное расследование преступлений (в российском понимании), осуществляется административной или судебной полицией под контролем прокуратуры. В особо важных случаях она может поручаться следственным судьям, которые могут направлять в полицейские подразделения специальные поручения (задания), ориентированные на выполнение разовых (или комплекса) процессуальных действий, не затрагивающих конституционных прав, свобод и законных интересов граждан.

По конфликтным процедурным вопросам, таким, в частности, как предварительное заключение подозреваемого под стражу, решения принимаются коллегиально, т.е. следственными трибуналами.

Уголовное преследование, охватывающее собой поддержание государственного обвинения в суде, а также защиту демократической (по формулировке Конституции) законности производит прокуратура, высшим звеном которой, как уже говорилось, является Генеральная прокуратура во главе с Генеральным прокурором,

назначаемым Президентом по представлению Правительства.

В целом офицеры юстиции формируют собой особый класс государственных служащих, работающих секретарями судов либо мелкими чиновниками в различных министерствах и ведомствах. Их предназначение заключается, главным образом, в оказании административных услуг, например, носителям судебной власти в уголовных процессах, исполнении ордеров или техническом содействии сотрудникам полиции при выявлении и расследовании преступлений.

Формат карьеры судебного исполнителя в судах варьируется от составителя законов, заместителя составителя законов и вспомогательного составителя законов.

Если иллюстрировать карьерный рост сотрудников Государственного министерства, то они имеют потенциальную возможность его эксплуатации до категории главного техника юстиции. Достигается ими это путем преодоления служебной лестницы от вспомогательного техника юстиции (через заместителя главного техника юстиции) [URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2b1053c3-66e83b30-81801d1c-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Judiciary_of_Portugal].

Под резиденцию Генеральной прокуратуры португальские власти отдали Дворец Палмела. Это государственное министерство представляет собой судебный орган, ответственный за обвинение и представительство высших органов власти в судах. Он является иерархически оформленным органом, состоящим из магистратов; возглавляется он Генеральным прокурором, будучи полностью

автономным от исполнительной и других ветвей республиканской власти. Его высшим звеном является Генеральная прокуратура, возглавляемая Генеральным прокурором, который, помимо руководства подчиненным ему ведомством, обеспечивает личное представительство в четырех высших судебных инстанциях страны: в Конституционном суде, Верховном суде справедливости, Высшем административном суде и суде аудиторов.

Региональными «представительствами» государственного министерства среднего уровня считаются окружные и координирующие прокуратуры; первые представляют членов парламента в судах *relação*, тогда как вторые — в центральных административных судах.

Структурами первого (низового) порядка государственного министерства считаются 23 прокуратуры Комарки, отстаивающие его интересы в каждом из судебных учреждений.

Одна из важнейших функций государственного министерства проявляется в руководстве расследованиями, производимыми полномочными сотрудниками правоохранительных органов. Для ее выполнения в его состав входят департаменты расследований и прокуратуры, состоящие из адвокатов, специально занимающихся расследованием тяжких и особо тяжких преступлений.

Имеется также один центральный департамент и по одному равновеликому формированию в каждой из окружных прокуратур. В ходе предварительного расследования оперативно-служебная деятельность судебной полиции контролируется специальным депутатом.

Прокурор (ответственный магистрат) в Португальской Республике

признается высшим сановным чиновником, имеющим гарантированную Конституцией привилегию независимости от Правительства. Его обязанности в уголовном процессе сводятся к конструктивному сотрудничеству с судьями и с той же полицией в целях обеспечения законности, достижения объективной истины, а также справедливости, толкуемых в качестве таковых с учетом критериев, проистекающих из законодательных положений.

Организационное обустройство прокуратуры централизовано; ее внутреннее построение во многом схоже с архитектурой судебной системы.

Сотрудники прокуратуры (магистраты), выполняя свои профессиональные обязанности в рамках устоявшейся правоохранительной системы, соблюдают правила субординации. Они подконтрольны Генеральной прокуратуре, включающей в себя Высший совет, в состав которого входят члены, избираемые Ассамблеей, а также прокурорскими бонзами из собственной среды.

По смыслу закона прокурор обязуется начинать уголовное преследование всякий раз, когда для этого возникают веские основания; среди них доминирует правило, согласно которому обвинение должно выглядеть законным и обоснованным [6, стр. 56—70].

Штатные работники прокуратуры представляют интересы Республики практически во всех судебных инстанциях и на любом этапе судебного разбирательства. Только по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести обвинение в судебных заседаниях могут поддерживать полицейские чины.

В судах первой инстанции, в том числе в судах Комарки, функцию поддержания государственного обвинения выполняет республиканский прокурор или специально назначаемый им представитель (делегат).

В отдельных ситуациях сотрудники полиции вправе самолично составлять обвинительные акты. Это распространяется на обстоятельства, требующие скорейшего выполнения и завершения неотложных следственных действий, направленных на сохранение следов совершенного уголовно наказуемого деяния.

В целом модель судебной системы Португалии разработана национальными учеными с учетом административно-территориального ее деления. Судами первого звена, как уже констатировалось, являются суды Комарки, а судами второго звена — суды Реласао [административно-территориальная единица].

Суд Реласао (промежуточный суд) и Верховный суд могут выступать в качестве апелляционных инстанций по подсудной им категории уголовных дел, которая между ними разделена: первый рассматривает апелляции на решения единоличных судей, а второй — на решения коллегиальных судов или судов присяжных.

Как и во многих других европейских странах, в Португальской Республике небезызвестна должность следственного судьи, который по ходатайству сторон может проводить так называемое предварительное судебное разбирательство, т.е. исследование обстоятельств совершенного преступления. Он правомочен прибегать к содействию сотрудников полиции, а в отдельных случаях инициировать прения сторон.

Нетрудно заметить, что анализируемая страна придерживается тех

же юридических канонов (стандартов) в оперативно-служебной деятельности полиции, а также ее взаимоотношений с прокурорами и судьями, которые свойственны другим странам, входящим в континентально-европейскую правовую семью (той же Итальянской Республике). Важнейшими органами исполнительной власти, занятыми обеспечением внутренней безопасности и охраной общественного порядка, считаются здесь полиция и жандармерия, наделенные исчерпывающими полномочиями и отлаженной структурой [4, стр. 10—11].

На протяжении последних десятилетий португальцы последовательно сохраняют приверженность европейской школе обеспечения безопасности и правопорядка, в чем зримо довлеет французский опыт [5, стр. 38].

Полицейским аппаратам и службам присущи некоторые отличительные черты [5, стр. 38]. Министерства внутренних дел (для Португалии — Министерство внутреннего управления) имеют широкие полномочия в различных отраслях экономики и социальной жизни. Многим странам знаком институт префектов (комиссаров Республики), являющихся представителями центральных правительств и органов управления, концентрирующихся в административно-территориальных образованиях.

Оперативная служебная деятельность полиции сводится преимущественно к оказанию посильного содействия судебным властям в ходе выявления и расследования преступлений; она сосредоточена на собирании улик, розыске преступников [в российском оперативно-розыскном и уголовно-процессуальном законодательстве принято говорить о розыске

подозреваемых, обвиняемых, подсудимых или осужденных] [1, стр. 41—43], и доставлении их в распоряжение следственных судей или судебных следователей.

Надзор или контроль, сущностное различие которых в Португалии законодательно не разграничено, выполняют в основном прокуроры, числящиеся «при судебных местах». При этом не возбраняется культивирование параллельного контроля деятельности органов исполнительной власти гражданскими лицами, достигшими высокого общественного положения.

К неоспоримым достоинствам централизованной организации полицейских сил вышеописанных государств, включая Португалию, допустимо относить:

- строгую иерархическую подчиненность единому центру управления;

- отсутствие такого негативного показателя, имеющего, к сожалению, распространение в правоохранительных органах Российской Федерации, как сокрытие преступлений от учета (регистрации);

- подведомственность и даже подчиненность подразделений полиции при выявлении и расследовании преступлений прокурорам и судебным властям.

Ее недостатки могут быть выражены следующим образом:

- высокая коррупционная составляющая (уязвимость);

- склонность к излишней бюрократизации аппарата.

Таким образом, политико-правовая система Португальской Республики в отдельных чертах схожа с организационным построением ее российского аналога. Тем не менее просматриваются кардинальные отличия, кото-

рые в интерпретации ученого сообщества предполагают необходимость их более глубокого научного осмысления с тем, чтобы направить развитие комментируемого феномена в цивилизованное русло.

В завершение настоящего повествования нельзя не сказать и о том, что при ознакомлении с португальской политико-правовой системой невольно напрашивается вывод о ее чрезмерно бюрократизированной государственной машине, неотъем-

лемым атрибутом которой являются правоохранительные (судебные) органы. Будучи помноженной на обилие разнокалиберных должностей, которые нередко дублируют либо взаимно исключают друг друга в отраслевых министерствах (что не может не удивлять), проблема эта, как представляется, должна возыметь характер перспективнейшего научного исследования, способного принести впечатляющие плоды.

Источники

1. Бажанов, С. В. Теоретические и правовые основы современной розыскной деятельности / С. В. Бажанов // Оперативник (сыщик). — 2016. — № 2 (47). — С. 41—43.
2. Бажанов, С. В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности / С. В. Бажанов // Российская юстиция. — 2017. — № 4. — С. 52—55.
3. Бажанов С. В. Социально-криминологическая и географическая характеристика Португальской Республики / С. В. Бажанов // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. — № 3 (47). — С. 61—70.
4. Борьба с преступностью за рубежом // Ежемесячный информационный бюллетень: по материалам зарубежной печати. — Москва : ВИНТИ, 1994. № 12. С. 10—11.
5. Губанов, А. В. Полиция Запада / А. В. Губанов. — Москва : ВНИИ МВД России, 1993.
6. Полянский, Н. Н. Итальянский Уголовно-процессуальный кодекс / Н. Н. Полянский // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 1. — С. 56—70.
7. Португалия. Конституция и законодательные акты. — Москва, 1979.

References

1. Bazhanov, S. V. Teoreticheskiye i pravovyye osnovy sovremennoy rozysknoy deyatel'nosti [Theoretical and legal foundations of modern investigative activities] / S. V. Bazhanov // Operativnik (syshchik). — 2016. — № 2 (47). — S. 41—43.
2. Bazhanov, S. V. K voprosu o sostoyatel'nosti funktsii ugolovnogo presledovaniya voobshche i funktsii prokurorskogo ugolovnogo presledovaniya v chastnosti [On the validity of the criminal prosecution function in general and the prosecutor's criminal prosecution function in particular] / S. V. Bazhanov // Rossiyskaya yustitsiya. — 2017. — № 4. — S. 52—55.
3. Bazhanov S. V. Sotsial'no-kriminologicheskaya i geograficheskaya kharakteristika Portugal'skoy Respubliki [Social, criminological and geographical characteristics of the Portuguese Republic] / S. V. Bazhanov // Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT. 2024. — № 3 (47). — S. 61—70.
4. Bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom [The fight against crime abroad] // Yezhemesyachnyy informatsionnyy byulleten': po materialam zarubezhnoy pechati. — Moskva : VINITI, 1994. № 12. S. 10—11.
5. Gubanov, A. V. Politsiya Zapada [Police of the West] / A. V. Gubanov. — Moskva : VNII MVD Rossii, 1993.
6. Polyanskiy, N. N. Ital'yanskiy Ugolovno-protsessual'nyy kodeks [Italian Criminal Procedure Code] / N. N. Polyanskiy // Su-debnaya vlast' i ugolovnyy protsess. — 2018. — № 1. — S. 56—70.
7. Portugaliya. Konstitutsiya i zakonodatel'nyye akty [Portugal. Constitution and legislative acts]. — Moskva, 1979.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Научная статья
УДК 378

Влияние искусственного интеллекта на трансформацию юридического образования

Линёва Екатерина Сергеевна,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Внедрение новых технологий в процесс обучения является важной задачей, стоящей перед юридическим образованием. Искусственный интеллект оказывает существенное влияние на юридическое образование и профессию юристов, бросая вызов традиционным методам обучения, повышая производительность и расширяя профессиональные компетенции юристов. Эта технология способна оптимизировать процедуры, стимулировать исследования и анализ и совершенствовать юридическое образование в целом. В статье представлен анализ тенденций, таких как автоматизация процессов, проведение научных исследований и создание виртуальных учебных сред, основанных на искусственном интеллекте. Также рассматривается взаимосвязь искусственного интеллекта и права, и его влияние на юридическое образование и профессию юриста. Хотя искусственный интеллект не может заменить мастерство юристов-людей, он может значительно повысить эффективность, точность и доступность юридических услуг. Преподаватели и студенты должны активно осваивать технологии искусственного интеллекта, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к современному юристу.

Ключевые слова: искусственный интеллект; компетенция юриста; юридическое образование; юридическая профессия; технологии обучения; виртуальная учебная среда.

The impact of artificial intelligence on the transformation of legal education

Ekaterina S. Lineva,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The introduction of new technologies into the teaching process is an important challenge facing legal education. Artificial intelligence has a significant impact on legal education and the legal profession, challenging traditional teaching methods, increasing efficiency, and expanding the professional competencies of lawyers. This technology has the potential to streamline procedures, stimulate research and analysis, and improve legal education. The current paper has presented the analysis of such trends as process automation, research and study, and development of virtual learning environments based on artificial intelligence. There has been studied the correlation between artificial intelligence and law, and its impact on legal education and legal profession. While AI cannot replace lawyers' skill, it can significantly improve the efficiency, accuracy, and accessibility of legal services. Lecturers and students should actively master AI technologies to meet the demands of a modern lawyer.

Keywords: artificial intelligence; lawyer's competence; legal education; legal profession; teaching method; virtual learning environment.

Для цитирования: Линёва Е. С. Влияние искусственного интеллекта на трансформацию юридического образования // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 4 (48). С. 90—95.

© Линёва Е. С., 2024

В мире быстро развивающихся технологий искусственный интеллект стал существенно влиять на различные области человеческой жизни, включая правовую сферу. Последние достижения в области технологий привели к широкому доступу общественности к различным инструментам искусственного интеллекта.

Сам термин «искусственный интеллект» был введен в 1956 г. Джоном Маккарти, американским ученым-программистом [1, стр. 27].

Искусственный интеллект относится к компьютерным системам, которые могут выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. Это включает в себя сложные функции, такие как анализ и принятие решений. Искусственный интеллект изучает поведение человека, обрабатывая большие объемы данных. Он

делает это, распознавая закономерности и принимая решения на основе доступной ему информации.

Искусственный интеллект преобразовал все профессиональные сферы, включая юриспруденцию.

Одним из главных исследователей будущего юриспруденции является Ричард Сасскинд, который изучает влияние технологий на профессию юриста. В своих работах он объясняет неминуемое изменение юридической профессии, а соответственно и юридического образования в ближайшие 20 лет, связанные с развитием технологий

[<https://www.amphilsoc.org/sites/default/files/2018-11/attachments/Susskind%20and%20Susskind.pdf> (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)]. Так, Сасскинд поднимает важную проблему замены человека искусственным интеллектом

при решении юридических задач и потому предлагает развивать альтернативные компетенции для человека-юриста.

В свою очередь В. С. Поздеева отмечает перспективу развития искусственного интеллекта как робота-законодателя, который участвует в процессе разработки проекта правового решения [https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-oblast-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)].

Е. А. Березина хотя и предполагает возможность трансформации профессии юриста, однако считает невозможным полную замену искусственным интеллектом работы человека-юриста, наделенного творческим подходом и эмоциональным интеллектом [https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-yuridicheskoy-deyatelnosti (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)].

А. С. Хуноян прогнозирует в долгосрочной перспективе замещение человека искусственным интеллектом при осуществлении правосудия [https://cyberleninka.ru/article/n/modulirovanie-primeneniya-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-sisteme (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)].

С ним согласен и И. Н. Глебов, говоря, что «в судебском мышлении нет ничего такого, что невозможно было бы представить в виде алгоритмов искусственного интеллекта, во всяком случае, в большинстве гражданских, арбитражных и административных дел» [https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)].

Юридическое образование, как и вся юридическая сфера, подвержено

влиянию искусственного интеллекта и претерпевает фундаментальные изменения в настоящее время. Рассмотрим возможные сферы влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс при подготовке юристов.

Как известно, искусственный интеллект предоставляет юристам мощные инструменты для автоматизации рутинных задач, таких как анализ больших объемов текстов и разработку стандартных юридических документов. Это позволяет экономить время и сокращать издержки. Высвобождая свободные человеческие ресурсы, искусственный интеллект может помочь ускорить и повысить эффективность рабочих процессов.

Представляется, что искусственный интеллект можно было бы широко использовать для работы над составлением документов и ведения текущей документации. Программное обеспечение с искусственным интеллектом повышает эффективность работы юристов при просмотре документов, размещая их в требуемом порядке, помечает документы, которые содержат риски. Так, технологии, основанные на искусственном интеллекте, позволили бы в значительной степени минимизировать бюрократию.

Между тем Сбербанк России анонсировал внедрение робота-юриста, который способен автоматически создавать юридические документы, включая иски. В результате этой инновации, по заявлению руководства банка, планируется сократить около 3 тыс. работников [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36647699&pos=3;-52#pos=3;-52 (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)]. Тем самым, представляется возмож-

ным значительное сокращение рабочих мест для юристов в ближайшем будущем.

Уже сегодня огромное количество решений готовится с помощью обработки больших данных. Человек оперирует итоговой информацией, но не может контролировать процесс ее обработки. Чем лучше будет искусственный интеллект готовить решения, тем большее пространство в процессе принятия решений он будет занимать. И очень скоро его пространство будет настолько велико, что это, по сути, будут готовые решения. Иначе говоря, решения будет принимать искусственный интеллект. Студенты юридических факультетов должны быть готовы к этим вызовам, а университетам необходимо учитывать изменяющийся рынок труда при проектировании образовательных программ.

Таким образом, вузы должны содействовать в получении студентами новых навыков работы с искусственным интеллектом, а также автоматизировать собственные процессы обучения и исследования, что будет способствовать более эффективному юридическому образованию и индивидуальному подходу в обучении.

В настоящее время для проведения юридических исследований требуется значительное количество человеко-часов, однако с помощью искусственного интеллекта можно сбалансировать работу всех ученых-юристов. Технологии искусственного интеллекта позволяют проводить исследования за считанные секунды.

Инструменты, основанные на искусственном интеллекте, меняют методы проведения юридических исследований. Алгоритмы искусственного интеллекта могут быстро обрабатывать огромные объемы юриди-

ческих данных, включая судебные дела, нормативные правовые акты и юридические заключения, для получения соответствующей информации и анализа. Эти инструменты могут помочь студентам-юристам и исследователям сэкономить время, выявить закономерности и получить доступ к обширным правовым базам данных, что в конечном итоге повысит качество и эффективность их исследований.

Следует отметить, что уже разрабатываются технологии искусственного интеллекта, которые помогут студентам юридических факультетов в составлении юридических документов, процессуальных актов и резюме. Эти инструменты могут анализировать языковые особенности, предлагать правки, проверять согласованность и предоставлять рекомендации по наилучшему варианту написания юридических текстов.

Особого внимания заслуживает формирование виртуальной учебной среды, основанной на искусственном интеллекте. Виртуальные классы позволяют получить доступ к учебной среде со всеми необходимыми ресурсами.

Технологии дополненной реальности, основанные на искусственном интеллекте, могут сыграть важную роль в моделировании правовой среды. Там студенты могут практиковаться в проведении собеседований с клиентами, взаимодействуя с чат-ботами на основе искусственного интеллекта или отрабатывать профессиональные навыки в виртуальном зале суда.

В настоящее время искусственный интеллект уже широко применяется в судебной деятельности в некоторых странах. Лидерами по его использованию являются Китай и США.

Так, например, в Китае искусственный интеллект уже помогает проводить судебные заседания онлайн по делам, касающимся электронной коммерции и авторских прав на онлайн-платформе. Специальный алгоритм помогает судьям во время заседания получать данные об уликах, а также автоматически фиксировать показания участников, тем самым упрощая процесс принятия решения.

В американских же судах используется система искусственного интеллекта «Оценка общественной безопасности», позволяющая автоматически определять срок наказания преступникам [<https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-v-sudebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 27 ноября 2024 г.)].

Таким образом, можно утверждать, что создание виртуальных сред для симуляции судебных процессов является необходимым в подготовке будущих юристов. Это позволит студентам формировать навыки участия в судебных заседаниях.

Отдельно следует отметить роль преподавателя в образовательном процессе. Ни для кого не секрет, что в Китае занятия начали вести преподаватели-роботы, а качество онлайн-обучения зачастую на порядок выше академического. Необходима радикальная модернизация образовательной среды, позволяющая успевать за трендами в обучении. Также искусственный интеллект может помочь смоделировать индивидуальную образовательную траекторию, оценивая сильные и слабые стороны студентов и определяя приоритетные области для улучшения компетенций. Создание индивидуальных тестов и практических заданий упрощает процесс обучения и подготовки к заня-

тиям. Это также помогает преподавателям понять, где они могут оказать студентам наилучшую поддержку.

С одной стороны, гибридный формат обучения, предполагающий онлайн-технологии и участие человека-преподавателя, позволит снизить учебную нагрузку и высвободить время для исследовательской деятельности. С другой стороны, искусственный интеллект позволяет следовать индивидуальному образовательному треку.

Искусственный интеллект оказывает глубокое воздействие на юридическое образование, повышая его эффективность. Однако с этими возможностями приходят вызовы и риски, которые также требуют внимания. Юридическое образование должно постоянно адаптироваться и интегрировать технологии искусственного интеллекта, чтобы обеспечивать будущим юристам комплексные знания и навыки, необходимые в изменяющемся мире права и технологий. Для успешного будущего в сфере юриспруденции необходимо сочетать традиционные навыки с новыми знаниями о применении искусственного интеллекта в правовой практике.

Хотя потенциал искусственного интеллекта еще не раскрыт в полной мере, очевидно, что он оказывает огромное влияние на юридическое образование.

По мере того как юридические и этические последствия искусственного интеллекта будут проясняться, законодательство, регулирующее его использование, может в будущем претерпеть изменения. Например, использование искусственного интеллекта для составления юридических документов может вызвать опасения по поводу его способности в

полной мере понимать и применять закон. Если искусственный интеллект берет на себя ответственность за что-то столь важное, как правосудие и юридические процедуры, необходимо разработать руководящие принципы, регулирующие его использование.

Важно активное участие представителей научного сообщества и юридического образования в частности в дискуссиях, посвященных внедрению технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс.

Источник

1. Смит, К. Введение. История искусственного интеллекта / К. Смит // Наука и инновации. — 2006.

References

1. Smit, K. Vvedeniye. Istoriya iskusstvennogo intellekta [Introduction. History of Artificial Intelligence] / K. Smit // Nauka i innovatsii. — 2006.

<p style="text-align: center;">ТРЕБОВАНИЯ к материалам, представляемым для опубликования в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»</p>	<p style="text-align: center;">REQUIREMENTS for the materials submitted for publication in the journal “Bulletin of the Law Institute of MIIT”</p>
<p>Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже правилам оформления. В случае ненадлежащего оформления статьи она направляется автору на доработку.</p> <p>Статья представляется в электронном виде в формате Microsoft Word по электронному адресу: albinadg@mail.ru.</p> <p>Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9, учебный корпус 6.</p> <p>Объем статей — от 20 тыс. до 40 тыс. печатных знаков (0,5—1,1 усл. п. л.), рецензий, обзоров зарубежного законодательства — до 20 тыс. знаков (0,5 усл. п. л.) При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта для основного текста статей — 14. Сноски в тексте приводятся в [квадратных скобках], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи в алфавитном порядке; ссылки на комментарии приводятся в (круглых скобках).</p> <p>Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в квадратных скобках по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0. 100-2018 «Библиографическая ссылка».</p> <p>Название статьи приводится на русском и английском языке. Заглавие должно быть кратким и информативным.</p> <p>Сведения об авторах приводятся на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью; полное название организации — места работы каждого автора в именительном падеже, ее полный почтовый адрес; должность, звание, ученая степень каждого автора;</p>	<p>Submitted papers must be original, not previously published in other printed publications. The material should be relevant, have a novelty, contain the results of the study, as well as comply with the mentioned below rules of registration. In case of improper registration, the papers will be sent back to the author for revision.</p> <p>All papers should be submitted in an electronic form in Microsoft Word format via e-mail albinadg@mail.ru.</p> <p>The official address of the editorial board is Obratsov Str., 9/9, Educational Building 6, Moscow, 127994.</p> <p>The paper should be of 20.000-40.000 of pr.ch. (0.5-1.1 conv. pr.'s sheets) of A4 format, article reviews and reviews of foreign legislation should be up to 20.000 of pr.ch. (0.5 conv. pr.'s sheets).</p> <p>The paper should be printed in Microsoft Word format, Times New Roman, font-size 14 Pt. Footnotes in the text should be given in [square brackets]; their numbers should correlate to the references, given at the end of the article in alphabetical order. References to the comments should be put in (parentheses).</p> <p>References to Internet resources and archival documents are enclosed in square parentheses in the text or at bottom of the page according to the samples of the GOST P 7.0. 100-2018 «Bibliographic reference».</p> <p>The title of the paper is given both in Russian and in English. The title should be short and informative.</p> <p>The information about authors is given both in Russian and in English: surname, name, middle name (IN FULL WORDS) of EACH author; official name of the organization in Nominative case (where EACH author works) with its full postal address; position, scientific degree, scientific status (if</p>

адрес электронной почты для каждого автора.

Аннотация — независимый от статьи источник информации, краткая характеристика работы, включающая в себя актуальность, постановку проблемы, пути ее решения, результаты и выводы. В ней указывают, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Рекомендуемый объем — 200—250 слов на русском и английском языках.

Ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) — 6—10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

В конце статьи приводится **список литературы**, в котором необходимо указать научные источники. Нормативный материал в список литературы не включается. Список следует оформлять по ГОСТ Р 7.0. 100-2018.

Статьи рецензируются. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При отрицательном отзыве рецензента автору предоставляется мотивированный отказ в опубликовании материала.

Оригинальность текста должна составлять не менее 75% от объема статьи.

В журнале используются сокращенные наименования органов государственной власти в соответствии с Перечнем полных и сокращенных наименований федеральных органов исполнительной власти, установленным распоряжением Администрации Президента РФ совместно с Аппаратом Правительства РФ от 16 июля 2008 г. № 943/788.

any) of EACH author;

contacts (an e-mail) of EACH author.

An abstract is an independent source of information, short description of the work, which contains a goal, a brief description of the research methods, a description of the main results and concise conclusions. The abstract clearly indicates that the article is original in comparison with others related in subject and purpose. The abstract of 200—250 words is recommended both in Russian and in English.

Keywords are given both in Russian and in English. There should be 6—10 of words or word combinations. Keywords are separated from each other with a semicolon.

At the end of the paper there should be given **references** (both in Russian and in English) arranged according to the GOST R 7.0. 100-2018 «Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation». Normative material should not be included into the list.

All papers are peer reviewed. The authors are given the opportunity to get acquainted with the content of reviews. In case of a negative review, the author is provided with a motivated refusal to publish the material. The text originality should be not less than 75% of the total paper.

There are used abbreviated names of state authorities in accordance with the List of full and abbreviated names of Federal executive authorities established by the order of the Presidential Administration of the Russian Federation together with the Government Office of the Russian Federation of July 16, 2008 No. 943/788.